

ЛЕДИ ФОЛКЛЕНД*

Родилась она в 1585 или 1586 году¹ от Рождества нашего Господа в доме отца — приорате Берфорд² в Оксфордшире. Отец был юристом, а впоследствии судьей и лордом-главным бароном [казначейства]; звали его Лоуренс Тэнфилд³. Его отец был младшим сыном⁴ и умер, когда Лоуренс был еще ребенком, оставив ему все то небольшое, что имел. Однако и это мать⁵ поделила между собой и его сестрами, разорив его наследство. Как только позволил возраст, она

* Перевод выполнен по изданию: The Lady Falkland, Her Life. From a MS. in the Imperial Archives at Lille / Ed. by R. Simpson. L., 1861. Вставки в квадратных скобках представляют собой маргиналии редакторов рукописи — Патрика Кэри, а также Энн, Элизабет и Мэри Кэри.

- 1 Точная дата рождения Элизабет неизвестна.
- 2 Бывший госпиталь монахов-августинцев в Оксфордшире, основанный в XIII в. В 1530-х гг. конфискован короной во время роспуска монастырей. В 1586 г. манор и здание приобрел сэр Лоуренс Тэнфилд (см. след. примеч.). В 1634 г. его внук и наследник, Люсиус Кэри, виконт Фолкленд (см. примеч. 29) продал поместье.
- 3 Сэр Лоуренс Тэнфилд (1551-1625) — английский юрист и парламентарий. Учился в Итоне и школе при одной из юридических корпораций — Иннер темпл. Начал выступать в суде с 1579 г., с 1583 г. и до конца жизни — мировой судья графства Оксфордшир с 1603 г. — сержант (юрист, имеющий право выступать в Суде Общих тяжб), с 1606 г. один из судей суда Королевской скамьи, а с 1607 г. — Старший Барон казначейства (т.е., председатель суда казначейства). Избирался в парламент в 1584, 1586, 1589, 1593, 1597 и 1601 гг., а также в 1604 г.
- 4 Роберт Тэнфилд из Бёрфорда.
- 5 Уилгифорд Фицгерберт.

отправила мальчика в Линкольнс-Инн изучать право⁶, а когда он был способен практиковать, предоставила ему самому заботиться о себе. Он же никогда не оспаривал сделанного ею и никогда не пытался ничего требовать, но довольствовался плодами собственного труда и обеспечивал себя своей профессией. Когда он женился, супруга⁷ пыталась переубедить его, но, хотя в других делах она имела над ним большую власть, тут не смогла восторжествовать.

Он начал выступать в суде в восемнадцать лет. Первое его дело было иском против королевы Елизаветы, от имени которой выступал знаменитый юрист, м-р Плауден⁸. Это было дело родственника и друга Тэнфилда, и тот не доверил бы его столь молодому человеку, если бы все остальные юристы не отказались от него по следующим двум причинам. Тэнфилд не имел репутации, которую мог бы потерять, да и не мог он утратить репутацию, проиграв в самом начале карьеры столь ученому человеку. Ему довольно было и того, что он выдвинул против Плаудена иск. Считая дело правым, а также потому, что истец был его другом, он не побоялся выступать против самой королевы. Тэнфилд выступил превосходно и выиграл дело, а в своей речи выказал столько живости и задора, что сам мистер Плауден встретил его по выходе из зала и, обняв, сказал: закон в его лице однажды обретет сокровище, а Англия — прекрасного судью.

6 Ошибка авторов: сэр Лоуренс Тэнфилд учился в Иннер Темпле (см. примеч. 3).

7 Сэр Лоуренс Тэнфилд был женат дважды. В начале 1580-х гг. он женился на Элизабет Саймондс. В 1620 г. он женился второй раз, на Элизабет Эванс.

8 Сэр Эдмунд Плауден (1518–1585) — известный юрист, выпускник Кембриджского университета и юридической корпорации Миддл Темпл. Историк и теоретик права, автор теории двух тел короля.

Тэнфилд по возможности избегал рассматривать дела о жизни и смерти, но когда ему приходилось это делать, проводил тщательное расследование дела, внимательно выслушивая все, что можно было сказать, а, вынося смертный приговор, всегда покрывался потом и трясся. Причиной такого волнения был случай, которому он оказался свидетелем. Когда он был молодым юристом и ездил по Западному округу⁹, в одном из городов, где устраивали суд по ассизам, судья осудил на смерть, помимо преступников, и католического священника¹⁰, а поскольку день казни¹¹ приходился на следующий после отъезда судейских, то он приказал казнить священника на день раньше остальных, до своего отъезда из города. Позавтракав и приготовившись вскочить в седло, судья спросил, выполнили ли его распоряжение, и получил ответ: нет, было бы удобнее сделать это в обычное время вместе с остальными. Выругавшись, судья сказал, что не станет обедать, пока не казнят священника и, приказав исполнить приговор немедленно, остался, чтобы получить извещение о казни. Услышав о том, что приговор привели в исполнение, он вскочил на коня, но как только оказался в седле, его конь, обыкновенно очень смирный (как все лошади судейских), начал брыкаться, сбросил его, да так, что судья ударился го-

9 Английские судьи рассматривали дела в крупных городах, переезжая из графства в графство по особым маршрутам (округам). К Западному относились графства Хэмпшир, Уилтшир, Дорсет, Девон, Корнуолл, Сомерсет.

10 С 1585 г. выпускники католических семинарий по закону приравнивались к изменникам, которым грозила смертная казнь, даже если они не участвовали в заговорах против монарха и правительства и занимались исключительно пастырской деятельностью. Изменой в данном случае считалось рукоположение в священнический сан, совершенное католическими церковными властями за пределами Англии.

11 Обычно всех осужденных на смерть в ходе сессии суда по ассизам казнили в один день, по завершении всех судебных заседаний. Он и назывался днем казни.

ловой о камень, и ему вышибло мозги. Тот же случай убедил Тэнфилда не спешить преследовать католиков (чего он и не делал), хотя и рассказывал эту историю (о ней он говорил часто) только как пример упрямства. В других делах правосудия он не послушался бы ближайшего друга, однако многие рядом с ним, как говорят, были большими взяточниками¹². Знающие люди подтверждали, что в их обычае было брать взятку, и если дело оказывалось выигранным, оставить деньги себе (хотя они не смели и слова ему сказать), а если проигранным, то возвращали деньги. Во многих случаях они брали у обеих сторон в уверенности, что одна из них выиграет, а затем возвращали взятку проигравшему. Тэнфилд все отдавал своей профессии, и она настолько поглощала его, что он, будучи в ней знатоком, вне ее оказывался ничтожным.

Он полностью предоставил попечение обо всех своих делах жене и слугам, не оставляя себе времени даже на то, чтобы проверить документы, когда покупал землю, хотя это дело было полностью в сфере его интересов.

Мать звали Элизабет Саймондс¹³. Леди Фолкленд была единственной дочерью своих родителей. Ее крестили с име-

12 Авторы явно намекают на вторую жену сэра Лоренса, леди Элизабет Тэнфилд (Эванс). Однако современники обвиняли во взяточничестве не только ее, но, прежде всего, самого сэра Лоуренса, о чем его внучки предпочли умолчать.

13 См. примеч. 7. Мать героини, Элизабет Саймондс происходила из знатной и влиятельной семьи. Ее отец, Джайлс Саймондс (ум. ок. 1596, сын Ральфа Саймондса (ум.1557) и Элизабет, урожд. Бишоп) был богатым дворянином из Клей-он-Си (графство Норфолк). Мать, Кэтрин Ли, принадлежала к семье влиятельных тюдоровских придворных. Ее отец — сэр Энтони Ли (ум. 1549), служивший сначала первому министру Генриха VIII Томасу Кромвелю, а позднее самому королю, а мать — Маргарет Уайатт (ум. 1543), сестра поэта и придворного, сэра Томаса Уайатта. Их сын, брат Кэтрин Саймонс и дядя Элизабет Тэнфилд — сэр Генри Ли (1533-1611), придворный королевы Елизаветы и ее рыцарь (*champion*). Его по-

нем Элизабет. Она очень рано научилась читать и полюбила чтение. Когда ей было всего четыре или пять лет, с ней начали учить французский язык. Она позанималась им около пяти недель, и ничего не достигнув, бросила занятия. Но позднее, еще будучи ребенком, она сама, без наставника, выучила французский, испанский и итальянский (которые всегда понимала очень хорошо). Таким же образом (без учителя) Элизабет освоила латынь, прекрасно ее понимала в юности и переводила с латыни на английский послания Сенеки. Однако надолго забросив латынь, она утратила это совершенное понимание, так что когда незадолго до смерти взялась на перевод с латыни Блозия¹⁴ (рассчитывая успеть перевести все), ей приходилось помогать себе, заглядывая в испанское издание. Подобным же образом и в то же время она почти без наставлений выучила древнееврейский, но забросила его на много лет и почти утратила это знание. Однако когда она незадолго до смерти опять начала использовать его, то могла понимать Библию, которая и так была ей хорошо знакома. Затем она также научилась у трансильванца его языку, однако, не найдя ему никакого употребления, позднее совсем его

кровительство немало способствовало быстрой карьере сэра Лоренса Тэнфида.

- 14 Фламандский бенедиктинец Луи де Блуа (1506-1566), более известный под латинизированным именем Блозий (*Blosius*). Происходил из семьи графов де Блуа и воспитывался при бургундском дворе вместе с будущим императором Карлом V. В 1520 г. стал монахом бенедиктинского монастыря Льесье, а с 1530 г. — аббатом этого монастыря. Реформатор, приверженец строгого бенедиктинского устава, и известный мистик, автор многочисленных сочинений — наставлений в религиозной жизни, полемических работ и комментариев к трудам отцов церкви. Все его сочинения были написаны на латыни, но были быстро переведены на английский язык. Неизвестно, каким именно изданием пользовалась Элизабет, однако из дальнейшего повествования становится ясным, что в ее распоряжении было латинское издание (вероятно, собрание сочинений Блозия, изданное в 1568 г., или какое-то из переизданий).

забыла. Элизабет была искусной и любознательной в вышивании, и ей никогда никто не помогал. Знавшие ее никогда бы не поверили, что она умеет держать в руках иголку, если бы сами этого не видели.

Однажды, когда ей было 10 лет, она присутствовала при том, как перед ее отцом предстала бедная старуха, названная ведьмой; ее обвиняли в наведении смертельной порчи на двух или трех человек, а свидетель оказался неубедительным. Отец Элизабет спросил женщину, что она может сказать в свое оправдание. Та, упав перед ним на колени, дрожа и плача, призналась, что все это — правда, и умоляла его смилостивиться, обещая исправиться. Тогда он уточнил, наводила ли она на такого-то смертельную порчу. Она ответила «да». Он спросил ее, как она это сделала. Один из обвинителей, прервав ее, сказал: разве ты не посылала своего фамилиара в виде черной собаки, зайца или кота, и он, обнаружив того спящим, лизнул ему руку, или дыхнул на него, или наступил на него, и тот, вернувшись домой, немедленно заболел и умер от этого недуга. Старуха, дрожа и умоляя о прощении, признала все обвинения и все перечисленные способы наведения порчи. Тогда присутствующие сказали: «Нужно ли им еще что-либо, кроме ее признания?». Но дитя, видя, что бедная женщина охвачена ужасом, заставляющим ее признаваться во всем, подумала, что ее одурманил страх, и шепотом попросила отца узнать у нее, не наводила ли та порчу на мистера Джона Саймондса (дядю, который находился здесь же). Отец так и сделал, и она сказала: «Да, я поступила с ним так же, как с остальными», и обещала больше так не делать, если только ее пожалеют. Он спросил, как она это сделала. Она рассказала одну из своих прежних историй (все присутствующие смеялись), и тогда он спросил, почему она это говорит. Он сказал ей, что этот человек жив и стоит

здесь. Она воскликнула: «О, сэр, я его не знаю, а сказала так потому, что вы спросили меня». «Тогда ты не ведьма», сказал он. «Господь ведаёт, я не ведьма и никогда ею не была». Тогда он спросил ее, почему она призналась во всем, о чем ее спрашивали. Она отвечала, что ей угрожали, заставляя признаться и говорили, что ей окажут снисхождение, если она признается. Она произнесла все это так безыскусно (при том, что свидетель обвинения был неубедителен, а ее признание — и того менее), что была сочтена невиновной и оправдана.

У Элизабет не было ни брата, ни сестры, ни других компаньонов своего возраста, она проводила все время за чтением и посвящала ему так много времени, что часто читала всю ночь, так что ее мать запретила слугам давать ей свечи. Они же обратили этот приказ к своей выгоде, позволив ей получать их, продавая ей свечи по полкроне каждая, так что она продолжала чтение, а поскольку у нее не было свободных денег, то она оставалась им должна. Таким образом она задолжала 100 ф.с. еще до того, как достигла двенадцати лет, и тот долг, вместе с другими еще на двести фунтов за подобные сделки, оплатила в день свадьбы. Все это не покажется странным тем, кто хорошо ее знал. Когда ей было двенадцать лет, отец дал ей «Наставления» Кальвина¹⁵ и приказал прочитать их. Элизабет привела так много возражений против них и обнаружила у Кальвина столько противоречий, что когда она пришла со всем этим к отцу, он сказал: «эта девочка Кальвина на дух не переносит».

15 Жан Кальвин. Наставления в христианской вере (первое издание: Базель, 1536; последнее прижизненное издание: Женева, 1559). Элизабет наверняка читала английский перевод «Наставлений», изданный Томасом Нортоном в 1561 г.

Пятнадцать лет отец выдал ее замуж за сэра Генри Кэри¹⁶ (сына сэра Эдварда Кэри из Хэмпстеда в Хартфордшире)¹⁷, тогда — хранителя драгоценностей королевы Елизаветы. Он женился на ней только потому, что она была наследницей, так как не был с ней знаком (она едва ли хоть раз говорила с ним), а она была не красавицей, но хорошенькой. В первые годы брака она жила в доме отца; муж в это время отправился в Голландию¹⁸, оставив ее среди ее собственных друзей. Женившись на Элизабет, он большую часть времени проводил при дворе или в доме своего отца, вдалеке от нее, он не слышал, как она говорит, а те письма, что она ему писала, составляли другие люди, назначенные ее матерью, так

-
- 16 Генри Кэри (1575-1633), сын сэра Эдварда Кэри (см. ниже) и Кэтрин Ниветт. Он получил образование в школе юридической корпорации Грей Инн, а затем в Оксфордском университете (Эксетер колледж). В 1590-х гг. Кэри воевал во Франции и в Ирландии в составе отряда графа Эссекса (последний посвятил Кэри в рыцари в Дублине), а затем был назначен джентльменом королевской опочивальни. В 1602 г. он женился на Элизабет Тэнфилд, получив за ней в приданое 2000 ф.с. и вскоре после свадьбы отправился сражаться в Нидерланды. Был взят в плен, видимо, при осаде Остенде, и вместе с другими пенными испанского командующего Луиса де Веласко отправлен в Испанию. По возвращении на родину летом 1603 г. он (вместе с отцом) был назначен хранителем драгоценностей королевы Анны, жены Якова I (не Елизаветы, здесь авторы ошиблись). В 1617 г. Генри Кэри стал распорядителем королевского двора и членом Тайного Совета. В 1620 г. ему даровали титул виконта Фолкленда (шотландский титул). В 1622-1629 гг. он был лордом-представителем короля (губернатором) Ирландии.
- 17 Сэр Эдвард Кэри (ум. 1618), сын сэра Джона Кэри и Джоан (урожд. Дени), принадлежал к тюдоровской придворной династии и даже состоял в родстве с Елизаветой I и придворными из ее ближнего круга Кэри (семьей лорда Хансдона) и Ноллисами (дядя, сэр Уильям Кэри, был первым мужем Мэри Болейн). С 1563 г. Кэри был грумом королевской опочивальни (при своей родственнице Елизавете). Его женой стала придворная дама королевы Кэтрин Ниветт (в первом браке леди Пейджет).
- 18 Сэр Генри Кэри отправился в Голландию в 1602 г. В это время значительный английский контингент вместе с голландцами и немцами оборонял Остенде от осаждавшей город испанской армии.

что он ее почти не знал. Вскоре после отъезда мужа его мать¹⁹ потребовала Элизабет к себе. Друзья последней не смогли ничем смягчить свекровь и отправили невестку к ней, хотя ее муж, хорошо зная собственную мать, до своего возвращения оставил жену с ее друзьями, желая, чтобы она находилась там, где ей будет лучше всего (хотя и не любил ее). Заполучив Элизабет, ее свекровь, привыкшая к тому, чтобы ей потакали и, обнаружив, что невестка к этому не слишком стремилась, обращалась с ней сурово и, в конце концов, заперла ее в комнате. Однако увидев, что Элизабет не страдает, а утешается чтением, свекровь отняла все ее книги и запретила приносить ей другие. Тогда Элизабет начала сочинять стихи. Во всем доме было только два человека (помимо слуг), которые приходили ее навещать, да и то украдкой — одна из сестер мужа, и одна из дам свиты ее свекрови. Первой из них она всю свою жизнь была истинным другом во всем, насколько она могла, а о другой — когда та оставила службу у ее свекрови — она не прекращала заботиться, пока та не умерла, платила ей, когда та нуждалась и даже находила ей места у своих детей или друзей, и помогала ей.

Все это закончилось, когда вернулся муж (в Нидерландах его взяли в плен испанцы и отправили в Испанию, где и держали год, пока отец собирал выкуп²⁰), и ему очень не понравилось обращение матери с женой. В свое отсутствие он получал письма от жены, и те, что были написаны после того, как она уехала от своей матери, показались ему отличны-

19 Кэтрин Ниветт (1547-1622), дочь сэра Генри Ниветта из Чарлтона, хранителя драгоценностей Генриха VIII и Энн (урожд. Пикеринг). Фрейлина Елизаветы I, затем — дама королевской опочивальни. Жена: 1) Генри, барона Пейджета (1537-1568); 2) сэра Эдварда Кэри (см. примеч.17).

20 Сэр Генри Кэри вернулся в Англию летом 1608 г., пробыв в плену почти четыре года.

ми по стилю от прежних, которые он считал ее собственными. Новые он очень любил, но считал, что кто-то другой писал их за нее, до тех пор, пока не расспросил ее об этом и не узнал правду; так он лучше понял жену и стал больше ее ценить. С этого времени Элизабет много сочиняла для собственного удовольствия, по разным случаям и о различных предметах, все в стихах (она едва ли написала что-то, что не было бы переводом). Одно из ее сочинений впоследствии было украдено из комнат ее золовки (и друга) и опубликовано, но отозвано по ее воле²¹. Из всего написанного ею самым лучшим считалась «Жизнь Тамерлана» в стихах²².

Она продолжала много читать, а когда ей было около двадцати лет, благодаря чтению она пришла в большие сомнения относительно своей религии. Первым шагом стало чтение известной протестантской книги, «Церковной политики» Хукера²³. Книга оставила ее словно бы подвешенной в воздухе, ибо завела ее так далеко (и как сочла Элизабет, вполне обоснованно), что она не понимала, как и где может остановиться прежде, чем вернется в ту церковь, из которой вышли все остальные²⁴. В этом еще больше утвердил ее брат мужа [Адольф]²⁵, который вернулся из Италии с добрым мнением о католической религии. Элизабет ценила его ум,

21 Речь идет о пьесе «Трагедия Мариам, прекрасной царицы Иудейской», написанной в 1603–1604 гг. и опубликованной в 1613 г.

22 Это ее сочинение не сохранилось.

23 Ричард Хукер (1550–1600) — английский священник и богослов, один из основоположников англиканского богословия, многие принципы которого были сформулированы в самом известном его сочинении: трактате «О законах церковной политики» (1594–1597 гг.)

24 Т.е., католическая церковь.

25 Адольф Кэри (1578–1609), младший брат Генри Кэри, парламентарий. В 1602–1603 гг. путешествовал по Франции и Италии, а в 1605 г. ездил в Испанию в составе свиты английского посла, графа Ноттингэма.

суждения и беседы. Он много читал Отцов Церкви, особенно Св. Августина, и подтверждал, что последний был той же религии, что и Римская церковь. Он убедил ее саму почитать Отцов (до этого она по большей части читала поэзию и историю, за исключением Сенеки и еще нескольких подобных сочинений, а его послания она, вероятно, перевела еще до того, как покинула отцовский дом, потому что единственный экземпляр перевода был найден сыном в кабинете ее отца), и по его настоянию она прочитала все, что могла найти на французском, испанском и итальянском. Возможно, тогда она могла немного читать на латыни, но в потом течение многих лет читала только на других языках.

Чтение этих книг настолько увеличило ее недоверие к своей религии, что дважды она надолго отказывалась ходить в церковь²⁶. В первый раз благодаря собственному гибкому уму она убедила себя в том, что может продолжать, как раньше. Во второй раз она часто посещала дом протестантского епископа [доктора Нила, епископа Даремского, впоследствии Йоркского]²⁷, куда приходили многие ученые богословы (из числа которых часто выбирали королевских капелланов и некоторых из их²⁸ величайших епископов), познакомилась со многими из них и высоко их ценила (склоня-

26 Англичанам закон предписывал появляться в церкви каждое воскресенье. За отсутствие на воскресной службе без удовлетворительных объяснений провинившихся (и мужчин, и женщин) вызывали в церковный суд или к мировому судье и могли принудить платить крупные штрафы (20 ф.с.) или же конфисковать 2/3 недвижимого имущества.

27 Ричард Нил (1562-1640) — английский прелат и богослов, епископ Рочестерский (1608-1610), Личфилдский (1610-1614), Линкольский (1614-1617), Дарэмский (1617-1628), Винчестерский (1628-1631), архиепископ Йоркский (1631-1640). Ричард Нил был покровителем антикальвинистской, «арминианской» партии среди английского духовенства начала XVII в.

28 Епископов Церкви Англии.

емая к этому их ученостью и умом больше, чем величием звания, а также потому, что из Отцов и историй прежних христианских времен она научилась почитать епископское достоинство, на которое они претендовали). Они убедили ее в том, что она может законно оставаться там, где и была, хотя она не сомневалась в том, что быть в Римской церкви — намного лучше и безопаснее. В этом состоянии она пребывала около двадцати двух лет (от первого случая), похваливаясь благими намерениями. Несколько раз в доме этого епископа она присутствовала на беседах с неофитами или сторонниками новых мнений, которые они почитали еретическими, и там незнакомые люди удивлялись ее присутствию и спрашивали епископа, как же он смел допустить туда молодую женщину. Епископ же отвечал, что ручается — ей никогда не будет грозить впасть в ересь, так уважала и почитала она авторитет там, где воображала его найти, и еще более — когда узнала, где он на самом деле находится.

Элизабет прожила семь лет в браке, не имея детей, а затем родила одиннадцать сыновей и дочерей²⁹. Когда на свет появились старшие, они с мужем завели собственный дом. Там она заботилась о своей семье, которая поначалу была небольшой, и показала себя способной делать то, к чему применяет ум. Она была внимательной и осмотрительной в распоряжении всеми хозяйственными делами, много работала, вместе со своими дамами и служанками, сама учила и наставляла их всех. Так же пеклась она и о детях. Она была матерью настолько, что кормила сама их всех, за исключени-

29 Элизабет была матерью одиннадцати детей — шести дочерей и пяти сыновей: Кэтрин (1609–1625); Люсиуса (1610–1643); Лоуренса (1613–1642); Виктории (1614–1694); Энн (1615–1693); Эдварда (р. и ум. 1616); Элизабет (1617–1683); Люси (1619–1650); Мэри (1622–1693); Патрика (1624–1656) и Генри (1625–1656?).

ем только старшего сына (которого ее отец забрал жить с ним с самого его рождения)³⁰, и учила трех или четырех старших. Позднее, когда у Элизабет появилось больше отвлекающих занятий, она передоверила воспитание детей тем, в чьем внимании и опыте была уверена, так как никогда не меняла слуг, которых приставляла к детям, а когда сама была с детьми, старалась не упустить возможности наставить их. Ее первой заботой было (лично, или при помощи других) склонить детей к знанию, любви и добродетели и обеспечить им, по их способностям, наставления в принципах христианства, не через катехизис (который привил бы им протестантские взгляды, в истинности которых она сама не была уверена), но в манере, более подходящей, для того, чтобы повлиять на них, нежели предметы, выученные наизусть, но не понятые. Например, она объясняла детям, если они что-то любили, что Бога полагается любить больше, что Он создал это и все остальное, что Он создал и их самих; что они должны любить и почитать Его больше, чем их отца: Он дал им отца, Он послал им все блага и сделал их для них; король — Его слуга; что Он создал всех королей и дал им королевства. Если они будут хорошими, Он даст им большие и лучшие вещи, нежели те, что они имели или видели; и так далее. Обучение дало самым способным такое понимание добра и зла, что однажды один из ее старших сыновей, которых она учила сама, еще совсем маленький, провинился, и она поклялась выпороть его (чего он очень боялся), а затем простила его, но ребенок молил ее выполнить клятву. Она же, довольная его невинной заботой о ней, была полна ре-

30 Люсиус Кэри (1610-1643), с 1633 г. — виконт Фолкленд. Его дед по материнской линии, сэр Лоуренс Тэнфилд, назначил своим главным наследником и воспитывал сам. В 1625 г. Люсиус унаследовал поместья деда — Бёрфорд Прайори и Грейт Тью в Оксфордшире.

шимости этого не делать, но он так боялся, что она окажется клятвopепреступницей, что со слезами на коленях просил того, от чего дрожал, и невозможно было удовлетворить его иначе, нежели исполнив клятвы.

Однажды Элизабет оказалась при смерти. Тогда у нее уже было твое или трое детей, и те совсем маленькие, и что-бы ее любовь не умерла вместе с ней, она написала на нескольких листах бумаги письмо (адресованное старшим, сыну и дочери³¹, чтобы им отдали письмо, когда они немного подрастут), полное моральных наставлений, которые она сочла подходящими. Эта забота так подействовала на ум старшей дочери [леди Хоум] (направлению души которой и наставлению — хотя та и была доброй по природе — мать уделила много усилий и всегда считала ее самой почтительной и любящей из всех детей), что когда та вышла замуж, не достигнув тринадцати лет³², а затем отправилась жить в дом свекрови³³ (выказав полное повиновение воле отца), где и оставалась до смерти (случившейся, когда ей было шестнадцать или семнадцать, и она рожала своего первого ребенка³⁴), любимая свекровью и всей семьей мужа, мать спросила ее, что та сделала, чтобы завоевать такую их привязанность. Дочь ответила, что сама этого не знала, разве что она всегда стремилась как можно точнее соблюдать правило, какое ей наказала мать перед свадьбой — что во всем, что ей дозво-

31 Т.е., Люсиусу и Кэтрин Кэри (см. примеч. 29).

32 Кэтрин Кэри (1609-1625) вышла замуж за шотландского аристократа — Джеймса, 2-го графа Хоума (ум. 1633). Этот союз устроил король Яков I; свадьба состоялась в королевском дворце Уайтхолл (Лондон) в мае 1622 г., когда невесте было всего 11 лет.

33 Мэри (урожд. Саттон), графиня Хоум (1586-1644), дочь Эдварда Саттона, барона Дадли и Теодозии (урожд. Харингтон), жена Александра, 1-го графа Хоума.

34 В 1625 г. Кэтрин Хоум было 16 лет.

ляли совесть и разум, она должна предпочитать волю других своей собственной.

Элизабет не уставала (когда она была с ними) учить самых способных из детей всему тому, что им подобало. Она всегда считала, что матери не должно думать о себе больше, нежели о своих детях, и, заботясь о себе, пренебрегать ими. Она поступала противоположным образом, много тратя на одежду и развлечения детей, и та, что (в юности) сама не заботилась о своей внешности и не радовалась ей, могла изо всех сил заботиться об их обличье и находить в этом удовольствие.

Мужа она так почитала, что научила детей обязанности любить его больше нее, и хотя она видела, что этот урок они могут усвоить и без наставлений, и что все, кроме старшего сына, очень любили отца, это не уменьшало ее любви и нежности к ним. Желание порадовать мужа имело власть заставить ее делать то, что к чему другие не считали ее способной, например, заботиться о доме (к чему она не имела никакой склонности, кроме той, что давала ей его воля), и приучать себя делать и любить эту работу. Она боялась лошадей, до и после замужества (а он любил охоту и хотел сделать ее хорошей наездницей), но долгие годы ездила верхом так много и так отчаянно, как если бы испытывала не страх, а удовольствие. Так она и делала, чтобы порадовать мужа, и на самом деле заставила себя полюбить это занятие, пока он был жив, но потом (как и до свадьбы) не могла найти в себе ни храбрости, ни умения сесть на лошадь [зачеркнуто: а он перестал этого требовать после того, как она упала с лошади (перепрыгивая изгородь и канаву, беременная четверным ребенком; ее сочли мертвой, хотя и она и ребенок не пострадали), а она, пока жила с ним, либо была беременной, либо кормила ребенка]. Она всю жизнь терпеть не могла модни-

чать. Но потому что муж этого хотел, она по своей воле наряжалась все то время, что жила с ним в юности, даже страдая от скуки. Однако все, на что она была способна в этом отношении — найти таких служанок, которые были в этом искусны, дать приказ, а затем претерпеть все необходимое. Ибо хотя она старалась, чтобы все было сделано правильно, она не могла сосредоточить на этом внимание, и ее ум никогда не был этим увлечен. Ее дамы обычно ходили за ней по комнате (как было ее обыкновение), пока она размышляла о серьезных делах, поправляя предметы туалета и заплетая ей косу, а пока она читала или писала, ей завивали и убирали волосы.

Она прилагала усилия только по воле мужа, и об этом свидетельствует великое внимание к себе, которое она проявляла после того, как он сильно разгневался на нее. С того времени она никогда не выходила, одетая в простые черные ткани, фризское или другое грубое сукно. Там, где речь шла о его интересах, она, казалось, не имела своих соображений, и проявляла это следующим образом: большая часть ее вдовьей доли (что на момент свадьбы была значительной) была взята короной, которой ранее принадлежала, а остальное (совсем небольшое) она по его побуждению согласилась заложить. Этот поступок так расстроило ее собственного отца, что он из-за этого лишил ее наследства, предпочтя ей двоих ее старших сыновей, предназначив свое имущество старшему сыну, а в случае его смерти — второму³⁵. Она всегда выказывала себя готовой избегать всего, что может быть неудобно мужу; тому она давала много доказательств в течение

35 Лоуренс (Лоренсо) Кэри, второй сын Элизабет и Генри Кэри. Как и старший брат, учился в Оксфорде (Эксетер-колледж). В начале 1640-х гг. он стал офицером королевской армии и погиб в 1642 г. по время восстания в Ирландии.

всей жизни. После того, как она стала католичкой, когда муж отказывался говорить с ней и видеть ее, она забросила обычные развлечения, которые любят все и в которых она находила много радости: узнав от других, что ему что-то не нравится, и лишь предполагая, что ему это не доставит удовольствия, она избегала этого, хотя бы оно и было добрым делом. Таким образом, она ставила превыше его воли только религию и свои обязанности по отношению к Богу. Правила, которые она в некоторых случаях записывала, не нравились многим из-за их строгости. Она всегда не одобряла практику, согласно которой человек довольствовался тем, что его совесть была свободна от ошибки, не соглашалась на все то, что могло хотя бы показаться неподходящим или недостойным. Свое мнение она выразила следующим девизом (который она приказала вырезать на обручальном кольце дочери): *быть и казаться*.

В это время с ней случились несчастья, повлиявшие на нее так сильно, что дважды погружали ее в глубокую меланхолию (когда она была беременна вторым и четвертым ребенком). Она едва не утратила рассудок, и ее жизнь была в опасности. У нее были причины для волнений, но она так поддавалась горю (а оно всегда проявлялось настолько, насколько она ему позволяла), что почти сошла с ума. Похоже, что она поддавалась печали, считая, что муж будет более чутким к ее бедствиям, так как знала, что он, как нежный и любящий отец, особенно заботлив к ней, когда она беременна или кормит ребенка. Однажды она четырнадцать дней не ела и не пила ничего, кроме небольшого количества пива с хлебом, причем и к хлебу не притрагивалась. Она была на большом сроке беременности, и ребенок уже шевелился, но она стала такой плоской, как будто бы ребенка вовсе не было. Однако после того, как она вышла из состояния меланхо-

лии, то быстро поправилась. С того времени она, казалось, настолько победила всякую грусть, что едва ли вообще подавалась ей (может быть, лишь однажды), но всегда искала во всем лучшее, и смотрела на благо, приносимое любимыми событиями. Величайшим проявлением грусти стало впадение в сон, что, как она говорила, она могла делать по своей воле, и была особенно сонливой, когда наяву ею овладевали грустные мысли, которых она стремилась избежать и, казалось, могла справиться с этим, если старалась. Элизабет могла отвлечь других в трудностях, порой своими беседами внезапно облегчая их горе в самых болезненных ситуациях. После того, как ее бедствия прошли, она простила тех, кто их вызвал, и для одних она стала верным и постоянным другом, а для других — покровителем и помощником в нужде, так что те, кто знал ее издали (и не были свидетелями ее страдания) считали ее виновной в их ошибках.

Элизабет продолжала управлять домом, пока ее муж не стал распорядителем королевского двора³⁶; тогда она стала часто жить в его покоях при дворе, а когда ее свекор умер³⁷, и их свита выросла, она передала домашние дела в руки других. Она придерживалась своей религии и глубоко почитала нашу благословенную Госпожу. Ей, будучи беременной последней дочерью (и все еще оставаясь протестанткой), она предложила это дитя, обещав, что, если родится девочка, она получит ее имя³⁸, а мать сделает все, что в ее власти, чтобы девочка стала монахиней. Когда она еще кормила эту дочь, она отправилась в Ирландию вместе со своим супругом и всеми детьми, кроме старшей дочери (которая перед отъез-

36 Сэр Генри Кэри получил должность распорядителя королевского двора в 1617 г.

37 Сэр Эдвард Кэри умер в 1618 г.

38 Младшая из шести дочерей Элизабет — Мэри Кэри.

дом вышла замуж в Шотландию). Поселившись в Ирландии, она полюбила тамошних людей и желала использовать ту власть, что имела, на их благо, а также на благо католикам. Там она научилась читать по-ирландски по ирландской Библии³⁹, но это было очень трудно (так что она едва нашла того, кто мог ее учить), а книг совсем мало, так что она быстро забыла все, чему научилась.

Стремление к выгоде и пользе для этой нации подвигло ее на большой проект: а именно, завести в этой стране все ремесла, из-за отсутствия которых она вынуждена обращаться к другим за простейшими вещами. С такой целью Элизабет пригласила по несколько ремесленников каждого рода приехать из тех мест, где эти ремесла практиковались — например, изготовителей льняных и шерстяных тканей, красильщиков, прядильщиков и вязальщиков, шляпников, кружевниц и многих других. Потом она взяла в ученики детей нищих (которыми страна изобилует), более восьмидесяти, принимая всех старше семи лет, а иногда и моложе. Детей передали мастерам и мастерицам для обучения ремеслам, которые были сочтены наиболее подходящими, например, изготовление тканей, веревок, пуговиц или кружев. Они обучались в разных комнатах или домах; комнаты заполнялись мальчиками и девочками, которые, сидя кружком, были заняты работой, и это помимо старших, которые предназначались для ремесел, требовавших больше понимания и силы. Она добилась того, что ремесленники делали очень хорошее сукно (из ирландской шерсти, которую пряли, ткали, красили и отделявали там же), и его носил ее супруг-губернатор. Однако из плана ничего не вышло, и Элизабет сочла это бо-

39 Полный перевод Библии на гэльский язык появился только в 1685 г. Элизабет читала перевод Нового Завета, опубликованный в 1602 г.

жьей карой, потому что распорядители заставили всех этих бедных детей ходить в церковь, а она понесла большие потери от пожаров и наводнений (которые она сочла удивительными, а другие — обычными). Ее рабочий дом со всем содержимым — тканью и инструментами — сгорел, водяные колеса унесло, а многие вещи пострадали от воды. Все это она, уже став католичкой, приняла за кару Господню за то, что дети ходили в церковь, и сочла, что потому ее дело и не завершилось успехом.

Другие же считали, что она лучше придумывала планы, нежели воплощала их, и что с самого начала она взяла на себя слишком много, и ей пришлось (не имея большого выбора) нанимать либо тех, кто имели небольшой навык в том, что они делали, или же людей бесчестных, так что ее легко обманули там, где она больше всего доверяла, хотя по природе своей и была довольно подозрительной. Но главной причиной было то, что Элизабет взяла за дурное правило выплачивать деньги в этом предприятии (и в других случаях), имея ужасную память на такие дела, доверяя людям (тем, с кем имела дела) и не записывая того, что сделала, потому она часто платила за одно и то же по многу раз (например, ей признавались потом, что в некоторых небольших делах заставляли ее за одну вещь заплатить пять раз в течение пяти дней). И она не позволяла тем, кто находился рядом и видел, как часто она платила, раскрыть ей глаза, подозревая их в том, что они высказываются только потому, что им не нравятся ее замыслы, и они хотят отвлечь ее от них. Нежелание видеть, что ее обманывали, в тех делах, которыми она занималась с таким увлечением (что случалось со всем, чем она занималась) приводило ее к бедности, даже когда у нее были средства; ей постоянно приходилось закладывать и продавать последнее, хотя бы это и была вещь, которая мог-

ла ей понадобится буквально через час, чтобы получить то, что ей нужно было незамедлительно.

Упрямство заставляло ее давать обещания тем, кто помогал ей в таких делах, а их было много, и не всегда можно было исполнить обещанное. Порой она признавала малые вещи, сделанные тогда, когда она желала их, столь ценными и обещала за них так много, когда потом от нее требовали выполнения обещанного в соответствии с ее оценкой, а не с ценностью услуги, то по прошествии времени, не всегда можно было признать то, что она обещала, оправданным. Муж часто сердился на нее из-за этих работ, но скорее, из-за того, как она их вела, а не из-за самого дела, которым она не умела распорядиться. В его власти было бы заставить ее сдаться, но она поняла: он, скорее, не желал вовлекать свои средства в это дело, нежели хотел, чтобы она остановилась. И здесь она оказалась права; когда в ее руки попали его письма к другим, она увидела, что в них он хвалил ее за то же, за что часто ругал, и подтверждал, что королевству было бы очень выгодно, если бы эта схема была хорошо применена.

Всем сестрам своего супруга (особенно той, что была ее другом), родне, друзьям и прочим, с ними связанным, она всегда выказывала приязнь и уважение и была готова употребить свою власть, когда и если она ее имела, оказывая им услугу, и в гораздо большей степени, нежели тем, кто был связан с ней самой. Однако к отцу и матери она всегда относилась с большим уважением, настолько, что в большинстве случаев она говорила со своей матерью⁴⁰ (когда та сидела), стоя на коленях, зачастую в течение часа или дольше, хотя с трудом склоняла колени и еще с большим трудом поднима-

40 Неясно, идет ли речь о матери леди Фолкленд, или о ее мачехе, второй жене отца.

лась. Она очень любила родителей, хотя мать никогда не была добра к ней, особенно после того, как дочь стала католичкой.

Все ее друзья могли взывать к ее помощи во всем, что было в ее власти; и она продолжала помогать им до самой их смерти, всегда приходила к их смертному одру, если могла, еще до того, как стала католичкой, ради их утешения (хотя и предвидела заранее опустошение, какое чувствовала, оставшись без них). После обращения она могла лишь всегда быть наготове и помогать им, если Господь даровал им благодать пожелать обращения. По этой причине она навещала даже тех, кто был болен заразными и отвратительными болезнями, и так она поступила со своей любимой золовкой, которая скончалась от оспы, ибо терпеть не могла мнимую привязанность тех, кто бросал своих друзей умирать в одиночестве, или тех, кто не могут слышать имя умершего друга. Она же любила поговорить о золовке.

Она ничего не жалела для своих слуг, если открывалась возможность оказать им услугу. Пока они были молоды (а она брала и детей на службу), она заботилась о том, чтобы они получили хорошее воспитание и изучали те предметы, которые были выгодны и полезны для них, а не для нее. И если она о ком-то заботилась, то никогда не оставляла их (когда они нуждались в ней), до могилы, их или ее. Она была более склонна, по собственному признанию, чувствовать привязанность к тем, кому она сама помогала, нежели к тем, кто помогал ей, и находила больше удовольствия, делая одолжения, нежели одалживаясь. Однако она никогда не была неблагодарной, всегда признавая обязательства и отплачивая тем же, когда у нее были случай и возможность.

В Ирландии она познакомилась с добрым католиком лордом Инчикином⁴¹; он был первым из них, кого она встретила (по крайней мере, из тех, о ком знала). Она высоко ценила его за его остроумие, ученость и ум, хотя он скончался, будучи всего двадцати девяти лет от роду. Ее супруг тоже любил его, восхищаясь им за то, что тот был столь искренним и прямодушным, что, казалось, считал незаконное невозможным. Лорд Инчкин несколько поколебал ее внешнюю уверенность в том, что она могла по праву продолжать оставаться в том же состоянии, что и была. Она всегда проявляла интерес, когда слышала о тех, кто становился протестантами, и хотела узнать об их мотивах, если те не были очевидными (как оно по большей части и оказывается). Один из капелланов ее мужа раньше был иезуитом (а потом — настоятелем) [Хэкет]⁴². Он, казалось, вел высокоморальную жизнь, считался ученым и прекрасным проповедником, и не было явной причины его обращения (ибо хотя он и был женат и имел бенефиций, он стал протестантом намного раньше, так что ни его брак, ни поставление на приход нельзя было считать причинами обращения)⁴³. Элизабет же не могла успокоиться, пока не спросила его (заметив, что в проповедях он никогда не говорил против католической религии, как обычно поступают отступники, но всегда призывал к добродетельной жизни), прося сказать ей правду. Он ответил, что в самом деле был иезуитом и хотел, чтобы его по-

41 Дермод О'Брайен, 5-й барон Инчкин (1594-1624), сын Мюрро О'Брайена, 4-го барона Инчкина и Мэйбл (урожд. Наджент).

42 Джон Хэкет (1592-1670), английский прелат и богослов. Один из капелланов Якова I; в 1631-1661 гг. — архидиакон Бедфордской епархии, в 1661-1670 гг. епископ Личфилдский.

43 В полемической литературе XVI-XVII вв. обращения католических клириков в протестантизм зачастую объяснялось слабостью плоти и мирскими амбициями — т.е., желанием вступить в брак и сделать карьеру.

слали в Рим (а это место, сказал он, для них предлагало больше возможностей продвижения, нежели другие), однако ему было отказано, и его начальники послали его в Шотландию (его собственную страну, но опасную и неудобную для миссионеров), а он, совсем не желая туда ехать и стремясь избежать способ избежать подчинения такой жестокой (как ему казалось) доле, начал изучать протестантскую религию, и затем нашел ее удовлетворительной, как она видела. Но в этом и состояло первое побуждение поиска религии. Она приняла этот ответ, но продолжала сомневаться, как и раньше.

Из почтения к великому покровителю страны она назвала старшего из сыновей, которых она там родила (ее последние дети), его именем⁴⁴ и верила, что он взял обоих мальчиков⁴⁵ под свое покровительство и защищал их своими молитвами, а она дожила до их обращения в католичество. Вскоре после воцерковления⁴⁶, последовавшего за рождением младшего сына, она уехала из Ирландии, проведя там три года, и через два года после начала своего проекта (который тогда еще не был оставлен, но завершился вскоре после этого). Она взяла с собой из Ирландии свою старшую незамужнюю дочь и троих младших детей⁴⁷, оставив остальных⁴⁸ с мужем, который нежно заботился о них, являясь им и отцом, и матерью. Жестокий шторм на море отбросил их обратно, и им угрожала опасность быть выброшенными на берег; у

44 Покровителем Ирландии считается Св. Патрик. В его честь Элизабет назвала своего третьего сына (и старшего из двух, родившихся в Ирландии).

45 Патрик и Генри Кэри.

46 Churching в английской традиции — первое появление женщины в церкви через 40 дней после родов, когда над ней читают разрешительную молитву.

47 Виктория, Мэри, Патрик и Генри Кэри.

48 Лоуренс, Энн, Элизабет и Люси Кэри.

младенца, которого она кормила⁴⁹, перехватило дыхание от удара волны, и он в течение четверти часа казался мертвым.

Благополучно прибыв и поцеловав руки королевы (которая незадолго до этого прибыла в Англию)⁵⁰, Элизабет отправилась к матери из страха перед свирепствовавшей тогда чумой, забрав с собой (вместе с другими) свою замужнюю дочь, на большом сроке беременности. Когда во время путешествия слуга матери переносил через узкий мост ее дочь (он из особой привязанности к ней хотел это сделать), то поскользнулся и упал в воду. Во время падения он, заботясь только о дочери, упал в воду так, чтобы она могла поставить ноги ему на грудь. Дочь же, увидев, что все испугались за нее, а слуга (давно служивший ее отцу и матери) сильно пострадал ради нее, не сказала, что почувствовала боль и испугалась. Но в конце пути в тот же день заболела и через неделю умерла, разрешившись от бремени почти на три месяца раньше срока дочерью, которая прожила три часа и была крещена. Если бы девочка выжила, мать была готова выкормить дитя дочери вместе со своим, которого еще не отлучила от груди. Дочь умерла у нее на руках. Элизабет не поддавалась горю и утешала себя тем, что ее дочь (находившаяся, как они думали, в полном сознании, ощущая все органы чувств, насколько они могли понять) утверждала, что у ее постели стоит сияющая женщина, облаченная в белое, с короной на голове. Они уверовали, что это царица Небесная и убедили в этом дочь. Однако немногим позже, умирая, дочь повторяла грустным, жалобным, исполненным тоски голосом: «горе мне! Неужели нельзя этому помочь?». Ее мать (со-

49 Генри Кэри.

50 Генриетта-Мария (1609-1669), дочь Генриха IV Французского и Марии Медичи, стала женой английского короля Карла I 1 мая 1625 г. Она пришла в Англию 12 июня 1625 г.

что это не просто страхом смерти, ибо она сама всегда, даже когда сама была в опасности, заботилась скорее о жизни дочери, нежели о своей собственной), убедила себя: то был знак, что дочери придется (как она надеялась) пострадать в Чистилище (во что, наряду с другими положениями католической религии, она тогда верила). Элизабет продолжала придерживаться этого мнения и после того, как стала католичкой, принимая во внимание склонность, какую ее дочь имела к католичеству. Об этом она услышала от самой дочери, которая всегда высказывалась за католичество, а многие вокруг нее — против, так как она жила среди ревностных шотландских пуритан. Однако дочь не принимала во внимание то, что они об этом говорили, и подтвердила это за несколько дней до смерти, вспомнив, как один из них говорил против католиков. Она сказала, что не знает о них [католиках] ничего, кроме того, что говорят шотландские пасторы, и этому не поверит ни один обладатель здравого смысла, а ее собственный ум говорит ей, что она сама должна быть католичкой, хотя ни одного из них не встречала. И за всю свою короткую невинную жизнь ей многократно выпадали поводы попрактиковаться в терпении и повиновении, которое она всегда выказывала тем, кому положено.

Вернувшись в Лондон, Элизабет зачастила в дом епископа, о котором сказано выше, а в ее дом — те же богословы; она попыталась уговорить себя продолжать, как и раньше, хотя ее убежденность уменьшалась с каждым днем. Считая их теми, за кого они себя выдавали, т.е., истинными священниками (не понимая еще, что, зная истину, они не желали ее слышать), она стремилась, по крайней мере, во всем поступать настолько похоже на католиков и быть на них настолько похожей, насколько могла. Для этого она решила пойти к одному из них на исповедь, избрав одного из

королевских капелланов [доктора Козенса]⁵¹ (он был единомышленником епископа), которого она высоко ценила. Тот же (как было угодно Богу) придумал себе извинение, а именно, что он не привык выслушивать исповеди, но готовится к этому, изучив казуистов, когда на полгода уедет из столицы (что сделал специально). Но еще до его возвращения она (слава Богу) исповедалась более подобающим образом, ибо Элизабет часто посещала предшественника нынешнего лорда Ормонда⁵², и у него познакомилась и подружилась с католиками и священниками. Первым из ее знакомых стал м-р Кошет, миним из Шотландии⁵³, затем отцы Данстаны, белый и черный⁵⁴, и их стараниями (особенно же чернорязого отца Данстана) она скоро уверовала. Однако, после ряда диспутов, на которых присутствовали ее друзья, где обсуждали опасность и ненадежность ее тогдашнего положения, она отбросила все заблуждения и примирилась бы с церковью немедленно, если бы не ее подруга, леди Денби⁵⁵

-
- 51 Джон Козин (1594-1672) — англиканский богослов, анти-кальвинист, автор полемических трудов. Выпускник Кембриджского университета. Глава колледжа Питерхаус (1635-1643, 1660), настоятель собора Питерборо (1640-1660).
- 52 Уолтер Батлер, 11-й граф Ормонд (1559-1633), сын Джона Батлера и Кэтрин Маккарти, убежденный католик. В 1625 г. поселился в Лондоне, в доме на Друри-лейн, благодаря чему этот район Лондона стал притягательным для столичных католиков. «Нынешний лорд Ормонд» — это его внук и наследник Джеймс Батлер, 1-й герцог Ормонд (1610-1688).
- 53 Минимы — нищенствующий орден, основанный в конце XV в. в Италии. Его члены следуют уставу Св. Франциска.
- 54 «Черными монахами», по цвету облачения, называли бенедиктинцев, а «белыми» — цистерцианцев. Соответственно, «белый» отец Данстан — цистерцианец Данстан Эверард (или Джон Джонс, ум. 1650), выпускник коллегии Дуэ, а «черный» — бенедиктинец Джон (Данстан) Петингер (1586-1665).
- 55 Сьюзен Филдинг (урожд. Виллиерс), графиня Денби (1583-1651), дочь сэра Джорджа Виллиерса и Мэри (урожд. Бимонт), сестра королевского фаворита, герцога Бекингэма и первая леди опочивальни при королеве

(слышавшая часть споров), которая просила немного подождать ее, обещав, что выслушав еще один диспут, примирится с церковью вместе с ней. Но выслушав один, она пожелала услышать еще один, с той же целью, а затем еще один, и еще. Так леди Денби задерживала ее немногим меньше полугода, но никак не могла решиться сделать то, что обещала. Поняв это, Элизабет решила больше не ждать леди Денби, но, приготовившись к примирению (которое она намеревалась пройти без дальнейших отлагательств), хотела, чтобы ее восприимчиком был белый отец Данстан [Эверард], первый бенедиктинец (а этот орден она особо почитала), с которым она повстречалась.

Утром отправилась ко двору, где жила эта дама, чтобы сообщить той, что если она сейчас решится сделать это вместе с ней, то это возможно, а иначе она не станет ее больше ждать — она решилась. Та же продолжала старые просьбы, как и раньше, но видя, что больше не сумеет возобладать, и что ее подруга не может и не хочет больше откладывать примирения, сказала: «что ж, вы сейчас при дворе, и здесь я вас и удержу. Вы останетесь в моих покоях и никуда не пойдете», приказав принести для нее кровать. Элизабет была поражена таким сюрпризом, не ожидая ничего подобного, но сочла наилучшим сделать вид, что согласна остаться там. Леди Денби, либо поверив этому, либо (делая вид, что, возможно, сама пойдет с Элизабет, как и обещала, когда говорила с ней) убедившись, что та останется, по крайней мере, до ее возвращения, оставила Элизабет одну. Она же, подозревая — и справедливо — что леди отправилась найти кого-

Генриетте Марии. В 1606 г. вышла замуж за Уильяма Филдинга, 1-го графа Денби (1587-1643), хранителя королевского гардероба. Графиня Денби обратилась в католичество в эмиграции, во Франции, куда уехала после смерти мужа, в 1644 г.

нибудь, кто удержал бы ее, не упустила возможность и, в отсутствие леди Денби, поспешила в дом лорда Ормонда. Хотя раньше она предполагала пройти через обряд примирения через несколько дней, но теперь не смела ждать другого случая (не зная, с каким еще столкнется препятствием), и, найдя там черного отца Данстана [Петингера], тут же примирилась с церковью⁵⁶, прямо в конюшне лорда Ормонда (отец Данстан был ее духовным отцом, пока его не арестовали). Как только все свершилось, она вернулась ко двору в покои леди Денби и сказала ей, что теперь готова оставаться у нее так долго, как ей угодно, ибо дело сделано. Леди была сильно обеспокоена и немедленно отправилась к близкому и могущественному другу [собственному брату, герцогу Бекингэму]⁵⁷ и все рассказала ему. Он тут же рассказал королю⁵⁸, а тот сильно разгневался. Друзья Элизабет немедленно начали убеждать ее, что раз о ее обращении еще никому не известно, она может вернуться, но увидев, что ее невозможно поколебать ни убеждениями, ни недовольством, позволили ей уехать домой. Туда за нею вскоре последовал секретарь Кок⁵⁹ с приказом короля оставаться под домашним арестом, пока ему будет так угодно. Так что, если бы она не сделала то, что сделала, ей бы помешали. Она оказалась под арестом (это продолжалось шесть недель), ни один католик не

56 Примирение (*reconciliation*) с церковью — термин, обычно применявшийся к тем католикам, которые время от времени, подчиняясь требованию английских законов, посещали протестантские службы, тем самым признавая монарха главой церкви. Таких католиков считали виновными в грехе схизмы. Однако здесь это понятие используется как синоним обращения (*conversion*).

57 Джордж Виллиерс (1592-1628), 1-й герцог Бекингэм, сын сэра Джорджа Виллиерса и Мэри (урожд. Бимонт), фаворит Якова I и Карла I.

58 Карл I (1600-1649), король Англии в 1625–1649 гг.

59 Сэр Джон Кок (1563-1644), английский парламентарий, государственный секретарь в 1625–1640 гг.

смел к ней приблизиться, а ее свита была полностью протестантской. Так Господь (после долгого милостивого ожидания) освободил ее от опаснейшего заблуждения, в котором, боюсь, погибли многие умершие, а другие, живущие, утратили дарованную им благодать.

На следующий день после примирения в город вернулся тот богослов, который должен был стать ее исповедником⁶⁰, он посетил ее и, услышав от нее обо всем случившемся, впал в такую ярость, что бросившись на землю, отказывался вставать или принимать пищу с утра до вечера, плача и рыдая, приводя в качестве доводов (чтобы заставить ее вернуться) позор для их друзей, а также то, что она повредит им, заставив других их бояться, и что люди скажут: так заканчивают все их сторонники⁶¹. Увидев же, что не может ее переубедить (но лишь заставив ее попоститься с ним весь день), он ушел во свояси и больше не приходил к ней, так же, как и все ее бывшие друзья этого рода. Однако она всегда относилась к самым достойным из них уважительно, а в ее дом потом приходили и другие, доброго поведения, и им были рады. Из любви и уважения к учености она желала их обращения, и, главным образом (как она заявляет в послании к читателю) ради ученых Оксфорда и Кембриджа (которые обычно не понимают французского) перевела труды кардинала Перрона⁶².

60 Имеется в виду Джон Козин.

61 Английские «арминиане» и в самом деле опасались, что их сочтут католической «пятой колонной» в Церкви Англии, тайно стремившейся к обращению прихожан в католичество. Именно поэтому представители этой группы склонны были полемизировать с католиками и подчеркивать свои догматическое расхождения с ними.

62 Жак Дави дю Перрон (1556-1618), французский католический богослов и полемист. Епископ Эвре (1591-1606), архиепископ Санский (1606-1618). Кардинал с 1604 г. Памфлет, который переводила Элизабет Кэри - Brief discours sur quelques poinct concernans la police de l'Église et de

Представитель ее супруга в Англии⁶³, не дождавшись прямого приказа от своего повелителя (который, как только узнал о случившемся, страшно разгневался на нее), немедленно прекратил выплаты ее денежного пособия, так что она (которая и раньше не имела много), вскоре впала в такую нужду, что оказалась вынужденной отослать детей (старшая дочь уже уехала от нее ко двору, став одной из первых английских девушек, каким была дарована честь служить Ее Величеству) и тех, кто им служил, к друзьям обедать и ужинать, не желая расставаться с ними полностью до тех пор, пока их у нее не забрали. Это вскоре и произошло по приказу ее супруга главе ее дома [м-ру Хичкоку], который забрал не только детей, но и всех старых слуг, оставив только одну молодую горничную [Бесси Поултер], которую она воспитывала с детства; теперь она счастлива, принеся полный монашеский обет, жить среди английских терезианок в Антверпене⁶⁴. Бесси ни за что не хотела покидать свою госпожу, хотя тогда еще была протестанткой. Забрали также и всю утварь и все, что было в доме — пиво, уголь, дрова, и остальное, что можно было перевезти, оставив Элизабет в заключении, одну и в нужде.

Однако, невзирая на проявленную к ней жестокость, она, узнав, что в своих письмах ее супругу управляющий всегда говорил о ней с уважением и почтением и никогда не делал ложных обвинений, как поступали другие (разжигая тем самым гнев мужа), но вменял ей в вину только то зло, кото-

l'État: et particulièrement sur la reception du Concile de Trente & la venalité des offices. (Paris, 1615)

63 Уильям Хичкок.

64 Терезианки — название кармелиток (по имени Св. Тересы). Конвент английских кармелиток был основан в 1619 г. Именно там в 1643 г. принесла монашеский обет Элизабет (в монашестве — Паула Св. Иосифа) Поултер (1613-1672).

рое, как он считал, она причинила мужу и себе, изменив свою религию, согласно своей природе, была более склонна благоволить ему за это, нежели сердиться за все остальное. Она скорее уважала это нежелание еще больше разжигать гнев мужа, нежели пеняла управляющему за то, что оказалась в нужде, не имея во рту маковой росинки. Для нее тогда это было немыслимым, ведь ранее она не знала нужды, и она желала скрыть бедность, стыдясь ее. Чтобы ее верная служанка (Бесси Поултер) не страдала от голода, Элизабет отправила ее столоваться в дом лорда Ормонда, но с приказом скрыть причину. Та же, чтобы оказать госпоже посильную помощь, не нарушив приказа, тайком брала со стола и прятала в платок корки от пирогов, куски хлеба и масла, или что-то подобное, а потом приносила их домой, и были дни, когда Элизабет жила только на этом (настолько она казалась забытой миром и всеми друзьями, которые у нее когда-либо были). Однако ее служанка, не в силах больше видеть ее в таком бедственном состоянии, рассказала об этом в доме лорда Ормонда, и впоследствии во время ее заключения ей ежедневно посылались блюда от его стола.

В это время она (привыкшая к большому обществу) была настолько одинока, что, когда к ней с визитом прибыл некий м-р Чейперлин, достойный джентльмен-католик, (первый, кто осмелился это сделать), она так обрадовалась и утешилась его визитом, и до самой смерти вспоминала его доброту и всегда произносила за него Аве Мария. Потом ее посещали и другие, а ее кухня-католичка, миледи Мэнорс⁶⁵, увидев, в каком она была положении, рассказала об этом ле-

65 Речь идет о сестре виконта Фолкленда Фрэнсис Кэри, которая в 1606 г. стала женой Джорджа Мэннерса (1580-1641), 7-го графа Ратленда (с 1632 г.).

ди Карлайл⁶⁶ (ведь причина заключения Элизабет проистекала оттуда, куда она немедленно и с уверенностью в успехе обратилась бы за помощью ранее — у короля — и потому она не смела просить своих друзей вступиться). Леди Карлайл сообщила королю о том, в какой нужде жила леди Фолкленд, а также о том, что, лишившись свободы, та боялась искать помощи. Причиной же столь долгого заключения было то, что некому было заступиться за нее перед Его Величеством: король удивился тому, что она все еще под арестом, ибо не намеревался его затягивать, но ему о ней не напомнили, и он немедленно дал ей разрешение свободно передвигаться. Сразу после ее обращения в католичество, ее большим другом выказала себя другая католичка, леди Банбери⁶⁷ (женщины были давно знакомы), помогла ей в нужде. Об этом Элизабет вспомнила в поэме на Благовещение Богородице, посвященной леди Банбери.

Страх заключения не принудил ее отказаться от обращения, и ее друзья (к которым она приезжала так же часто, как и раньше) возобновили свои увещевания. Сначала высочайшей властью [от короля] ей от двора было прислано сочинение, составленное одним из епископов, полное доводов, ложных примеров и авторитетов, доказывавшее, что хотя бы католическая вера и была истинной, законно причащаться с ними⁶⁸. Это сочинение отец Бенет Прайс⁶⁹ (с кем она тогда

66 Люси Хэй (урожд. Перси, 1599-1660), дочь Генри, 9-го графа Нортумберленда и Дороти (урожд. Деверо), жена Джеймса Хэя, 1-го графа Карлайла (1580-1636), дама опочивальни королевы Генриетты Марии.

67 Элизабет (урожд. Ховард, 1586-1658), дочь Томаса Ховарда, графа Саффолка и Кэтрин (урожд. Ниветт), жена: 1) Уильяма Ноллиса, 1-го графа Банбери (1544-1632); 2) Эдварда, барона Вокса из Хэрроудена (1588-1661).

68 Т.е., принимать причастие в Церкви Англии.

познакомилась и кто оказал ей большую помощь в нужде, став ей хорошим другом) отослал отцу Лиандеру⁷⁰. Последний дал на него ответ и настолько удачный, что она, вручив ответ тому, кто принес ей это сочинение, получила от его автора — епископа приказ не публиковать ответный труд; она не стала этого делать (не желая навлекать на себя гнев больше необходимого). Многие другие выдвигали перед ней следующие соображения (некоторые начали излагать их в письмах незадолго до окончания ее заключения) — бесчестье супруга, гибель для него и ее детей, разлука с ними (ведь муж явно не позволил бы им жить с ней, или ей с ним), то обстоятельство, что перед сменой религии она пользовалась милостью и благосклонностью [двора], и в ее власти было принести пользу мужу; и все это, и еще больше, она могла приобрести, вернувшись.

Таковы были основные доводы, однако некоторые из друзей пожелали, чтобы был назначен диспут, в ее присутствии. Это было сделано к их удовольствию в доме лорда Ньюбурга (мужа золовки — ее подруги)⁷¹, для этой цели они позвали доктора Уитли, а она привела черного отца Данстана⁷². Кроме них, там присутствовали доктор Лейни, капеллан лорда Ньюбурга, а затем — и короля⁷³. Этот диспут (в совер-

69 Уильям (в монашестве — Бенедикт, или Бенет) Джонс (или Прайс) (ум. 1639), английский бенедиктинец.

70 Лиандер Причард (ум.1685?), английский бенедиктинец.

71 Барон Эдвард Барретт из Ньюбурга (1581-1645), канцлер казначейства, член Тайного Совета Карла I. Его первой женой была сестра виконта Фолкленда Джейн Кэри (ум. 1633).

72 Данстан Петигер.

73 Бенджамин Лейни (1591-1675) — английский клирик, капеллан лорда Ньюбурга, в 1644-1649 гг. — капеллан Карла I; после Реставрации — епископ Питерборский (1660-1663), Илийский (1663-1667) и Личфилдский (1667-1675).

шенно искаженном виде) был описан доктором Уитли (который на самом деле не сделал ничего, только жаловался), но когда он отнес его доктору Лейни, чтобы тот подписал его как свидетель, Лейни показался себя честным человеком и не только отказал ему, но и убеждал не издавать явную фальшивку, уверив, что если другой джентльмен (отец Данстан) издаст подлинный рассказ, противоречащий его истории, и попросит его подписи как свидетеля, он должен будет подписать и согласится на это. Все эти доводы не удержали доктора Уитли от публикации, а изданием подлинного рассказа пренебрегли.

Около этого времени она сумела позаботиться об обращении служившей ей девушки. Сначала она приложила много усилий, чтобы заставить ее поговорить со священником, а всех их девушка всерьез считала колдунами (она слышала это во врем проповеди от шотландских пасторов, так как раньше жила в Шотландии со старшей дочерью леди Фолкленд), но, в конце концов, усилиями отца Данстана была обращена и примирилась с церковью. Вскоре после этого отец Данстан был арестован в ее доме стараниями того самого слуги, который оставил ее в такой нужде (на смертном одре этот самый человек послал к ней за священником, который не успел к нему добраться, так как он умер раньше, чем можно было кого-то найти, но выразил желание видеть священника и настоятельно советовал жене стать католичкой). Однако его господин, чье благоволение он пытался снискать, устроив арест священника, был им из-за этого недоволен. Он гневался на жену скорее потому, что считал: ее обращение повредит его карьере, а она сама из-за этого лишится возможности помогать его делам (ведь он считал, что если бы не обращение, она была бы как никогда сильна при дворе и могла помочь ему), нежели просто из-за того, что она като-

личка. Муж также сердился на то, что она поспешила объявить себя католичкой, а она совсем не собиралась так поступать, хотя и рада была признаться в этом, но случай, о котором рассказано выше, сделал это за нее. Некоторые его слуги тоже выступили с ложными обвинениями в адрес госпожи, но ее всегда защищали те, кого она чаще всего навещала, и многие из них (например, госпожа герцогиня Бекингэм, и мать господина герцога, которая тогда сама была католичкой⁷⁴, его сестра, леди Денби, ее сестра Ньюбург и сам лорд) часто и усердно писали ему в ее защиту. Но эти письма не возымели желаемого эффекта, потому что один из слуг (который имел над господином больше власти, нежели ему подобало) сообщил ему, что она чинила препятствия его делам при дворе и оказала ему дурные услуги в глазах его тамошних друзей (впоследствии она видела все письма этого человека ее супругу, полные жалоб на нее).

Однако она была настолько далека от того, чтобы делать что-то неуютное мужу, и уж тем более невыгодное для него (более, чем обязывала ее религия), что когда ее друзья заявили Тайному Совету: супругу подобает выплачивать ей пособие, которое, по крайней мере, избавит ее от нужды, и получили от лордов совета в ее пользу предписание мужу выплачивать ей 500 ф.с. в год, она не стала его использовать и даже не сообщила о нем мужу, хорошо зная, что ему сильно не понравится, если его заставят сделать то, чего он не сделал добровольно. А она не желала ни в чем сердить его, если

74 Кэтрин (урожд. Мэннерс, 1603–1649), дочь Фрэнсиса Мэннерса, 6-го графа Ратленда и Фрэнсис (Ниветт), жена: 1) Джорджа Виллиерса, 1-го герцога Бекингэма (1592-1628); 2) Рэндалла Макдоннела, 2-го маркиза Антрима (1609-1683). Мать герцога Бекингэма — Мэри Виллиерс (урожд. Бимонт, 1570-1632), дочь Энтони Бимонта из Гленфилда и Энн (урожд. Армстронг), вторая жена сэра Джорджа Виллиерса (ум. 1606). Обе дамы были католичками.

могла это сделать по совести, хотя ей и приходилось из-за этого страдать. Друзья винили ее в том, что она не использует приказ Совета, и впредь не спешили помогать ей, а она (для них) объясняла свое бездействие уверениями, что, по ее мнению, если он может себе это позволить, то сделает по своей воле. Однако она хорошо знала, в каком состоянии пребывают имущественные дела мужа, и поэтому не хотела давить на него; не говорила ему ничего из страха сильнее разгневать его этим делом, или чем-либо еще дать друзьям повод испытывать к нему неприязнь.

Чтобы не быть бременем для друзей и не увеличивать долгов, она переехала в маленький старый домик в городке в десяти милях от Лондона, потому что ее мать (отец умер до того, как она вернулась в Англию), в чьем лондонском доме она жила до тех пор, пожелала, чтобы она съехала, ибо настолько разгневалась ее обращением в католичество, что все это время не желала ни помочь дочери, ни слушать о ней. В этом домике Элизабет некоторое время жила одна с молодой служанкой-католичкой, и дом почти разваливался над их головами, а из мебели в нем была одна кровать с матрасом из грубой шерсти, положенным на пол (да и ту позаимствовали у городского бедняка), старого плетеного короба, служившего им столом, и деревянного стула. Там она на протяжении Великого поста жила по большей части (если не полностью) на воде, в которой варили рыбу, положив в нее немного хлеба. А служанка ела рыбу, хотя ни до, ни после этого к ней не прикасалась (но теперь они жили на Темзе, и это была самая дешевая и доступная пища), и Господь вознаграждал ее верность Ему и своей госпоже (за то, что девушка оставалась католичкой и ее служанкой, хотя могла бы с легкостью найти себе лучшее место, по крайней мере, тогда, если бы только оставила свою госпожу, ведь она была хороша

во всем, что делала, и наверняка нашла бы тех, кто с радостью нанял бы ее), дав ей способность и склонность выносить все с радостью, так что обе они утверждали, что никогда не были веселее и довольнее своей жизнью, чем тогда.

В это время она познакомилась с мистером Клейтоном⁷⁵, который ссудил ей большую часть того, что имел, как только узнал ее, а часть средств — даже до того, как увидел. Его она всегда (и по заслугам) считала прекрасным другом. Он был одним из немногих, которые довольствуются тем, что имеют, и был совершенно свободен от желаний и устремлений; благодаря этому (хотя он имел немного) ему, казалось, были должны все его знакомые, а он — никому, так как он обращался к друзьям только для того, чтобы оказать услугу кому-то еще, но никогда — для себя. Много в это время одолжила ей леди Банбери.

Когда Элизабет жила в этом домике, она начала перевод трудов кардинала Перрона, из которых за тридцать дней перевела ответ на сочинение короля (как утверждает мистер Клейтон в стихах, которые без указания имени автора опубликованы в предисловии к ее книге). Через некоторое время она издала этот перевод, посвятив его Ее Величеству⁷⁶. Од-

75 Джеймс Клейтон.

76 Речь идет о произведениях, написанных в ходе полемики о присяге на верность, которую с 1606 г. требовали от английских католиков. Одно из положений присяги, направленной против права римских понтификов объявлять светских государей лишенными власти, было сформулировано таким образом, что звучало как обвинение пап в ереси. Из Рима пришел запрет католикам приносить эту присягу, а богословы всей Европы в течение почти 20 лет полемизировали, обсуждая законность этой присяги. В полемике участвовал король Яков I: сначала он издал «Апологию присяги на верность» (1609) [An Apologie for the Oath of Allegiance. London, 1609], а позднее вступил в прямой спор с кардиналом дю Перроном. Последний, выступая на Генеральных Штатах 1614 г., резко отозвался о присяге. Речь кардинала была опубликована в английском переводе (1616), и Яков I издал свое опровержение, причем — неслыханно для

нако доктор Эббот, тогда — архиепископ Кентерберийский⁷⁷, перехватил тираж при доставке в Англию и сжег его. В ее руки попали несколько экземпляров. Там же она начала переводить остальные труды кардинала и закончила работу намного позже, но так и не смогла напечатать их. В конце концов, после смерти матери имущество (естественной наследницей которого была Элизабет) передали ее старшему сыну (а ей — лишь небольшую часть), сын же предпринял ряд шагов, чтобы избавить ее от нужды. Примерно тогда она написала жития Св. Марии Магдалины, Св. Агнессы мученицы, и Св. Елизаветы Португальской, в стихах, и до, и после этого — множество стихов, посвященных Деве Марии (ее имя она приняла при конфирмации, которую получила из рук епископа Халцедонского⁷⁸) и многим другим святым.

Потом она оказалась в долгах, а в этом состоянии она пребывала постоянно, с детства, однако скорее от сердечной щедрости, которая всегда превосходила ее средства, и других причин, о которых уже шла речь, нежели из-за своевольного пренебрежения делами, ибо она была очень благоразумной, особенно после обращения в католичество. Она никогда не отказывалась платить долги, когда имела деньги, всегда благодарила тех, кто пришел за деньгами, и никогда не под-

монарха — под собственным именем [Remonstancance of the Most Gracious King James I ... for the Right of Kings and the Independance of Their Crownes against the Oration of the Most Illustrious Card. Du Perron. Cambridge, 1616]. Дю Перрон ответил королю своим собственным памфлетом [Replique a la response du serenissime Roy de La Grand Bretagne par l'illustriissime et reverendissime cardinal du Perron.] Именно этот последний памфлет и переводила виконтесса Фолкленд.

- 77 Джордж Эббот (1562-1633), епископ Личфилдский (1609-1610), епископ Лондонский (1610-1611), архиепископ Кентерберийский (1611-1633).
- 78 Ричард Смит (1568-1655), английский католический богослов и полемист, с 1625 г. епископ Халцедонский и викарий апостольского престола в Англии (1625-1628).

вергала сомнениям то, что они спрашивали. Но если они приходили, когда у нее не было средств, она была не столь довольной и склонна была задавать вопросы. Но все знали, какая у нее плохая память на долги, и если совесть им не препятствовала, смело запрашивали все, что хотели. А если они готовы были принять обещание заплатить им в определенный момент в будущем, она признавала все, что бы они говорили. Когда она не могла заплатить, то чувствовала себя обязанной молиться за своих кредиторов. Она слишком свободно занимала деньги, но не имела обыкновения избегать оплаты, а когда ей нечего было дать, слишком легко давала обещания тем, кто готов был удовольствоваться этим. Что же до обещаний, то первыми выполнялись те, что были даны тем, кто первым попросил. И не было никакого способа освободиться от долгов, так как у нее было денег достаточно лишь для того, чтобы не впасть в нужду [из желания освободиться от долгов она снова вовлеклась в придворные дела и тяжбы; у нее всегда была склонность к умственным занятиям, но другие втянули ее в подобные проекты]. В таких делах она потратила несколько лет, надеясь выбраться из долгов, но, в конце концов, она проиграла, хотя, пока она занималась делами, она этого не понимала.

Порой ее жизнь и ее дом были плохо организованными или в беспорядке [когда она увлекалась делами и поглощена ими настолько, что забывала о себе (она была к этому склонна, и ей редко удавалось, погрузившись в мысли, помнить о собственных нуждах и различать, холодно ли ей, или же она голодна, — она требовала пива, когда обжигалась от огня — знала, что ее беспокоит нечто, но не понимала, что именно), и не имела никого, кто позаботился бы заглянуть к ней и напомнить о необходимом, за что она была бы благодарна тем, кто взял бы это на себя, и почитала бы их друзья-

ми], и такой она казалась тем, кто напоминал ей о ее недостатках. Из-за его готовности порицать ее, она оставила отца Бенета Прайса в качестве своего капеллана, хотя во многих других отношениях это было для нее неудобно; в ее собственном доме жил отец Катберт⁷⁹, а ей приходилось идти из дома к другому. Что же до ее прегрешений перед Богом, она готова была склониться и выслушать увещания любого, как заслуженные ею. Благодаря своей вере и пониманию того, что пришло от нее самой, а что — от Бога, она хорошо различала собственные ошибки, а все сделанное ею добро считала Его милостью, полагая, что ее обязательства по отношению к Нему не исполнялись, а лишь возрастали.

Ее беспорядочность была следствием забывчивости, а не отсутствия добрых намерений, и об этом свидетельствуют найденные тогда у нее бумаги, в которых она составляла распорядок дня, выделяя часть дня всем своим делам и назначая себе молиться за обращение мужа и детей, а также за своих кредиторов [и она всегда почитала и любила порядок, когда вспоминала о нем]. Ей едва ли удавалось делать малые дела, однако, милостью Божьей, ей порой удавались великие. В мелких делах она порой поддавалась себе; в важных она могла собой распорядиться. Она могла проявлять страсти из-за мелочей (совсем по-детски), но в больших делах многократно проявляла упорство и терпение. Она могла позволить себе беспокоиться из-за ерунды, но в серьезных делах не выказывала страха, особенно когда речь шла о служении Богу или обращении душ. Казалось, она не всегда имела над собой власть в вопросах еды (хотя и могла, заняв ум, забыть о ее необходимости), но укрепляемая предписа-

79 Джон (в монашестве Катберт) Ферсдон (1602-1638), английский бенедиктинец.

ниями церкви, или же воодушевленная желанием послужить делу Божьему, она казалось способной на все; точно соблюдала церковные посты, не ела масло и молоко в Великий пост, когда была католичкой (за исключением двух постов перед смертью, когда у нее была чахотка). А некоторыми постами она подтверждала свое соблюдение предписанных правил, решившись и придерживаясь более строгого воздержания. Одним постом за ее столом подавали мясо ее детям-протестантам, а она сама не позволяла себе ни одного блюда с сахаром, за исключением воскресенья, что имело большое значение для ее питания, особенно постного. Строгое соблюдение поста было для нее тем более сложным, что она по обыкновению и природной склонности почти не пила вина, а если и пила, то не более ложки за раз.

Супруг Элизабет вернулся в Англию в мае 1630 г., и ее жизнь стала более упорядоченной. Впредь она по возможности избегала ситуаций, когда другие люди помогали ей в нужде, зная, что муж разгневется, так как это его позорило; хотя в то время он все еще отказывался видеть ее. Тогда же она всерьез взялась за продвижение его дел, всеми доступными ей средствами, при помощи друзей. В конце концов, благодаря заступничеству Ее Величества (которой было угодно стать посредницей, и которая и до, и после, своей королевской милостью, облегчала ее нужду и помогала ей и ее родственникам) супруги примирились, однако продолжали жить порознь, и для того, чтобы дать ей возможность исповедовать свою веру, и потому, что его состояние было растрачено (особенно после женитьбы старшего сына, состоявшейся против воли отца: последний возлагал на брак сына большие надежды, рассчитывал через него восстановить состояние и вел о нем переговоры, когда сын, женившись на

другой, расстроил все его планы⁸⁰), и по-другому устроить было невозможно. Кроме того, она была вовлечена в дела и проекты (о которых шла речь выше) и могла свободнее заниматься ими, живя так, как раньше. Однако, хотя она ничего и не получала от мужа, но настолько почитала его волю, что не искала средств улучшить свое положение без его разрешения. Ибо ей не всегда удавалось получать доход от своего имущества, и порой она, желая обратиться за помощью к королю, не делала этого (хотя и не могла бояться его недоверия), пока не удостоверилась: муж не считал, что это воспрепятствует его делам с королем, и пока он на сообщал ей, что согласен и желает, чтобы она так поступила.

Вернув дружбу своего мужа, Элизабет всерьез трудилась над его примирением с сыном, на которого он разгневался из-за брака, по той лишь причине, что он из-за этой свадьбы лишился помощи, необходимой, чтобы поправить его (отчаянное) положение, так как всегда тратил больше, чем получал.

К остальным детям (которых она теперь иногда видела) она выказывала доброту, стремясь всеми средствами привлечь их интерес к себе. Элизабет могла чего-либо от них добиться, лишь угождая им, так как они считали, что выказанное ей уважение — дело добровольное, или просто вежливость, но не обязанность (однако если бы они выказали это слишком открыто, то навлекли бы на себя отцовский гнев, потому что он, как бы сам не сердился на нее, любил видеть,

80 Ок. 1631 г. Люсиус Кэри женился на Летиции, дочери сэра Ричарда Моррисона (ум. 1625) и Элизабет (урожд. Харингтон). Финансовые дела виконта Фолкленда были расстроены, и он предпочел бы, чтобы его старший сын женился на богатой наследнице с хорошими связями. Он выбрал ему в жены одну из сестер графа Портленда. Люсиус Кэри, однако, женился по собственному выбору: он был уже совершеннолетним и, получив еще в 1625 г. наследство деда, не зависел от финансовой поддержки отца.

как дети почитают ее), и оскорбились бы, если бы она стала претендовать на власть над ними. Ибо она оставила их маленькими, и они долго жили далеко от нее (особенно три дочери), а теперь видели ее только тогда, когда сами хотели, так как получали от отца и отцовскую, и материнскую заботу, так что они платили ему любовью и уважением, какие причитаются обоим, а ей оставалось немного (лишь старшая из ее выживших дочерей, которая рассталась с матерью позже всех, провела меньше времени вдали от нее, казалось, лучше помнила о том, чем она обязана ей. Эту дочь она всегда любила больше других детей, пока они все не стали католиками, и любила ее больше, чем их, потому что она больше всех защищала мать по возвращении в Ирландию, куда она с младшими братьями и сестрой уехала через год после обращения матери в католичество, хотя потом вновь вернулась ко двору⁸¹). Мать же, следовательно, старалась дать дочерям то, что им нравилось, и то, что могло заставить их пожелать чаще оставаться с ней. Однако она не смела говорить с ними о религии (только просила их добавить к своим молитвам прошение к Богу познать истину); если бы она поступила иначе, то лишь отпугнула бы их от себя, однако она много раз устраивала так, чтобы при них говорили о религии, словно бы случайно.

Ее муж распустил свиту и отослал от себя детей, а через два года, провидением Божьим, позвал к себе четырех младших дочерей (без этого они никогда не оказались в руках матери). Вскоре после этого, в конце лета, он сопровождал ко-

81 Энн (в монашестве Клеменция) Кэри (1614-1671), третья дочь леди Фолкленд. В конце 1620 х гг. — фрейлина королевы Генриетты Марии. В 1639 г. принесла монашеский обет в английском бенедиктинском монастыре в Камбре. Одна из основательниц английского бенедиктинского монастыря в Париже.

роля (незадолго до того вернувшегося из Шотландии⁸²) на охоту в Теобальдс⁸³, и там упал с подставки и сломал ногу, а когда попытался встать, увидев идущего к нему короля, и оперся на эту ногу, то сломал ее еще в двух местах. Король приказал своему врачу и хирургу не отходить от него, пока он не поправится. Его отнесли в охотничий домик в парке, и оттуда он послал за женой (которая тем летом жила с ним в его собственном доме, чего она не делала с тех пор, как они поссорились; муж ее тогда говорил, что им нужно поселиться вместе своим домом — он сам тогда жил, по большей части, у лорда Ньюбурга — и планировал найти там место для ее часовни, а также и для священников).

Элизабет немедленно приехала из Лондона, лежавшего в двадцати милях оттуда, и так спешила, что в ночь перед приездом не спала и даже не ложилась в постель. Приехав, она день и ночь оставалась рядом с мужем, не отходя от него и не раздеваясь. Спала она только днем, сидя в кресле в его комнате, или лежа на матрасе, который он приказал для нее принести. Его тогда посетили его друзья, его дочь, что была при дворе, одна из сестер и лорд Ньюбург. Но никто не оставался рядом с ним, кроме слуг и жены, которая не покинула его до самой смерти, наступившей всего через неделю. Ведь хирург, выступая в качестве костоправа, попытался вправить кость, но не справился: вместо излечения началась гангрена. Тогда послали за доктором и хирургом королевы, док-

82 В 1633г. Карл I отправился в Шотландию, чтобы короноваться шотландской короной. Церемония состоялась 18 июня. Король вернулся в Англию в сентябре 1633 г.

83 Теобальдс (Чезант, Хартфордшир) — поместье, принадлежавшее Сесилам. В конце XVI в. там был возведен дворец, который часто посещала Елизавета, а затем и ее преемник — Яков I. В 1607 г. король приобрел поместье; он и его сын любили охотиться в окрестностях Теобальдса.

тором Майерном и м-ром Обером⁸⁴, а также за хирургом из госпиталя (самого опытного в таких делах). Они посоветовались и решили, что нужно отрезать ногу над коленом. Элизабет хотела, чтобы операцию делал господин Обер, но мужа убедили выбрать другого хирурга. Когда ему отрезали ногу, он не изменился в лице и не ничем не показал, что ему больно, точно так же, как и в тот день, когда сломал ногу (в то время он был ничуть не менее вежливым, чем обычно, со всеми, кто с ним разговаривал), и когда ногу перевязывали. Только когда врачи искали, как далеко зашла гангрена, он один раз поморщился, воскликнув: «осторожнее».

Жена также присутствовала, а в то время, когда ногу отрезали, проведать его приехали дочери из дома и два младших сына из школы. Дети не знали, в какой опасности он был, и, когда они спешили и узнали, что его оперируют, одна из девочек вскрикнула. Отец услышал ее, узнал ее голос и приказал утешить ее, послав к ней слугу. Как только операция завершилась, и его положили в постель, он послал за детьми, улыбался и шутил, стараясь их утешить, а затем, дав им последнее благословение, отослал домой. Когда ему отрезали ногу, он не предвидел смерти; в то утро он принял протестантское причастие. Однако во время операции кость раскололи, и врачи, рассудив, что нога скорее вновь загноится, нежели вылечится, не стали закрывать рану, но на время остановили кровь порошком, так как считали, что он не выдержит новой операции, а умрет. Однако ему об опасности не сказали. На следующее утро нога опять кровоточила, и кровь остановили таким же способом, но когда то же самое случи-

84 Теодор Тюрке де Майерн (1573-1655) — известный врач и анатом, уроженец Женевы. Врач Генриха IV Французского, а с 1611 г. — врач Якова I и Карла I. Морис Обер практиковал в Лондоне с 1619 г.; в 1629–1639 гг. он был хирургом королевы Генриетты Марии.

лось около семи вечера, они не смогли сразу привести к нему врача и двух хирургов (ибо сэр Теодор Майерн и господин Обер уехали). В конце концов, врачи пришли и сказали, что надежды нет, предложив не останавливать кровотечение, но дать больному истечь кровью.

Он не казался испуганным, когда услышал эти слова, хотя известие было неожиданным (тем более, что врачей невозможно было убедить попробовать сделать еще что-нибудь). Обратившись к жене по-французски (так как рядом были хирурги, слуги и капеллан), он сначала сказал ей, чего хотел бы от короля, чего — от друзей, а что — для своих детей и слуг, осведомился о ее делах, а чуть позже спросил жену (все еще по-французски, а на этом языке он говорил плохо), здесь ли ее человек — назвав его *homme*. Она подумала, что то была плохо составленная фраза, но сказала, что слуга, который сопровождал ее во время выездов, прибыл с ней. Муж ответил, что имел в виду не его, и она поняла, что он намекал на ее священника, а назвал его так, чтобы отличить от слуги. Она же не привезла священника, так как не предвидела внезапной смерти мужа, да и не смогла бы быстро найти священника в Лондоне, а о священниках по соседству она не знала, так что сказала мужу, что ни одного там не было. Затем он спросил, неужели нет другого способа, кроме признанного законом⁸⁵. Она же, встав на колени у его постели, постаралась рассказать ему, как распорядиться собой внутренне, не имея внешних средств⁸⁶. Однако она не смела предложить ему объявить о своем желании быть католиком перед посторонними, не считая это обязательным, и опасая-

85 Признанных Церковью Англии молитв, читавшихся над умирающими.

86 Т.е., как исповедаться в отсутствие священника. Подобные наставления для мирян существовали еще в Средние века, неизвестно, на какое из них ориентировалась виконтесса Фолкленд.

ясь, что он — слишком любящий и осторожный отец — побойтся запятнать детей в глазах друзей. Он, казалось, выслушал все, что она сказала, но сам больше не говорил; он истекал кровью в течение трех часов и большую их часть провел молча, особенно под конец, пока она молилась и говорила с ним.

Когда муж уже был близок к смерти, один из хирургов пожелал, чтобы он объявил — умирает протестантом, иначе (сказал медик), из-за того, что его жена была здесь и много говорила с ним, скажут, что он умер папистом. На это (а тот человек повторил свои слова три или четыре раза) виконт ответил только поворотом головы. Однако поняв, что тот не перестанет твердить то же самое ему в ухо, он, в конце концов, сказал ему: «Прошу, не прерывай мою безмолвную молитву», и это показывает — он мог бы произнести и требуемые слова, если бы захотел. Двое его слуг-протестантов, присутствовавших там, признали, что он таким образом отказался признать, что умирает протестантом. Он умер сразу после этого, без агонии или борьбы, до конца оставаясь в сознании; ему было около пятидесяти семи лет, а ей — около сорока шести. Что могло особенно повлиять на его желание стать католиком, так это чтение ее перевода Перрона (который она ему показывала, и который был найден в его кабинете после смерти, покрытый его пометками), а также беседы о религии с мистером Клейтоном (что он делал часто), а его он считал человеком ученым, разумным и искренним.

Увидев мужа мертвым, Элизабет, хотя и плакала (потому что в сама деле очень его любила), взяла себя в руки (она никогда полностью не отдавалась скорби и, кроме того, получила утешение от тех превзошедших ее ожидания знаков, которые он подал ей, и она имела большие надежды, сокрушаясь в то же время, что не имела наготове священника), а

ее первой мыслью было забрать детей жить с ней (она желала этого ради обращения их в католиков). И чтобы предвосхитить все возможные препятствия и быстрее добиться их согласия, она в ту же ночь, несмотря на поздний час, в темноте отправилась вместе с его мертвым телом в его дом на расстоянии девяти миль, туда, где находились дочери, и прибыла туда в три утра. Сначала она все скрыла от детей, затем сообщила, что нет надежды на выздоровление отца, а затем, видя, что дети страшно расстроились от мысли, что она оставила его умирать одного, призналась, что он умер, изо всех сил постаравшись утешить их. Она поспешила предложить им жить с ней, сказав, что этого желал их отец, произнеся все, что только могла придумать, чтобы убедить их, умоляя обещать ей не уезжать от нее в дома друзей, если это будет сочтено предпочтительным. Дочери дали обещание, побужденные к этому той верностью, которую мать выказала отцу в его смерти, более всех его друзей, и считая это его волей, а не из-за ее обещаний. Она же увидела великую победу в их согласии, хотя у нее не было средств содержать своих подопечных (а сумма была немалая), а только надежда на провидение Божье. Ведь хотя у нее было достаточно возможностей покончить с долгами, то небольшое, что осталось от ее вдовьей доли, доставшейся ей после смерти мужа, она предназначила для уплаты долгов, а из 200 ф.с. в год (все, что досталось ей от отца и матери), одну сотню она предназначила для уплаты мистеру Клейтону. Часть же дохода от продажи дома мужа она предназначила для уплаты некоторых его долгов (которые она очень хотела выплатить полностью, хотя и не обязана была это делать, даже если оказалась бы в состоянии; она [надежда творит чудеса] рассчитывала это сделать. Но она обнаружила такую особенность своих надежд: когда они основывались на человеческих измышле-

ниях и действиях, то всегда подводили ее, хотя ей порой почти удавалось реализовать их; но когда в том, что имело отношение к служению Богу, она вверяла свои надежды Ему, она всегда получала Его милость, превосходившую ее надежды, хотя это и казались невозможным). Она не могла рассчитывать на помощь друзей в содержании детей, так как ее собственные друзья упрекали ее за то, что она взяла себе детей, заставляя их жить в таких неопределенных обстоятельствах. Что же до тех, кто помогал ей в нужде, когда она только стала католичкой, то как она отказывалась от их помощи при жизни мужа, сохраняя его честь, то теперь она не могла сделать меньше для детей. Ведь если бы они узнали, что она приняла помощь от кого-либо кроме короля и королевы, то не снесли бы этого. Кроме того, все готовы были скорее обвинить ее, нежели помочь, так как она взяла на себя такие большие и, как казалось всем, ненужные расходы.

Она же хотела, чтобы дети жили с ней тем, где у них было больше возможности узнать истину и больше возможностей следовать ей, остальное же полностью вверила Богу — как их обращение, так и средства для их содержания. Она обещала им (чтобы они согласились жить с ней) не говорить с ними о религии, пока они сами того не пожелают, а они сами были уверены, что такой день не настанет. Мать же знала, что говорить тогда, когда они не хотели слушать, значило отвлечь их от нее и от религии, поэтому сочла, что содеянного вкупе с ее молитвами (самыми горячими в этом отношении), для нее достаточно, не сомневаясь в том, что Бог сделает остальное. Она не обманулась в своей великой уверенности: ни в том, что добилась их обращения, ни в том, что смогла расплатиться с долгами, которые взяла на себя по такому случаю.

Элизабет спросила отца Бенета [Прайса] (бывшего тогда ее духовником), может ли католик подавать мясные блюда по постным дням для протестанта, чтобы удержать в том месте, где он, скорее всего, обратиться, и где он иначе не останется, и где готовят немного мяса для больных католиков — он же ответил ей, что если есть вероятность обращения, то, по его мнению, так можно поступить, но если она спрашивала о своих детях, надежды на обращение которых нет, он бы так не сказал. Она же использовала первую часть ответа, не считая себя обязанной подчиняться его словам из второй части, иначе дети не остались бы у нее. Однако она поступила так, опираясь на силу своей убежденности, а не из пренебрежения предписаниями церкви, установления которой имели такую власть над ней, что могли мгновенно удержать в узде ее сильнейшие желания. Она любила церковные правила всем сердцем и находила такую радость в подчинении им, что иногда, встав рано и все утро занимаясь делами, а ко времени обеда оказавшись (что часто случалось в постные дни) в доме своих друзей-протестантов, она оставалась там по их настоянию и, забыв о посте (там не было ничего, что напомнило бы ей о нем), садилась за стол голодной и уже почти клала в рот кусок мяса, когда одна из ее дочерей [госпожа Магдалина⁸⁷], тогда — протестантка, останавливала ее, напоминая о посте. Она же искренне радовалась тому, что избежала невольного нарушения, что выходила из-за стола без сожаления, сердечно благодаря дочь и прося продолжать в том же духе, и еще больше любила ее за то, что та помогала ей соблюдать церковные правила, хотя и понимала, что у дочери не было другой цели, кроме как посмеяться над тем, что

87 Люси (в монастыре Магдалина) Кэри (1619-1650); в 1640 г. принесла монашеский обет в бенедиктинской обители в Камбре.

сделала мать, когда она остановила ее, и что если бы там было больше рыбы или же мать — менее голодной, дочь, скорее всего, оставила бы ее в покое. Но поскольку такое случалось много раз, ведь мать часто охватывала забывчивость, она избегала обедать вне дома и редко делала это после смерти мужа. Пока он жил, она (хотя никогда и не любила этого) часто делала это ради него, и чтобы она так поступала чаще, сам муж напоминал ей о постах.

Тем Великим постом, когда она подавала мясо для детей, она сама постилась больше, живя почти исключительно (кроме воскресений) на крапивном супе без масла, пирогах, испеченных из муки, воды и соли. Из собравшихся за столом никто, кроме нее, не постился, так как все католики там ели мясо по причине болезни. Она же заботилась о том, чтобы у нее всегда была рыба (не для себя, так как мало думала о том, что предназначалось только ей), для гостей-католиков, какие могли приехать, а также для детей, если бы кто-нибудь из них захотел отказаться от мяса. Когда она видела, что кто-то из них так делал, то радовалась и старалась угостить их тем, что им больше всего нравилось, используя любые средства, чтобы отвратить их от мяса.

После смерти мужа она больше не посещала спектаклей и пьес, даже при дворе, хотя и очень любила их, а также перестала ходить на публичные празднества, хотя часто бывала при дворе по своим делам. Она сама избегала обедать и ужинать вне дома и старалась удерживать детей дома в это время, так как надеялась, что за ее столом они услышать разговоры о религии. Два ее старших сына⁸⁸ тоже были с ней в ту первую зиму, и многие из их друзей (оксфордские студенты и прочие) часто приезжали в ее дом, она же сердечно

88 Люсиус и Лоуренс Кэри.

приветствовала их (так как всегда настолько любила хорошее общество, что его отсутствие было для нее почти невыносимо; в особенности за ее столом, куда она любила приглашать друзей, так, чтобы они чувствовали себя в той же степени дома, в какой и она, и чтобы ничто, насколько это в ее власти, не было для них неприятным, утомительным или препятствующим свободной беседе. При этом она могла лучше выносить общество тех, кто ей не нравился, если считала, что они и в самом деле хотят обеда, а если она уже хорошо их знала, то ничего не жалела для них), и за ее столом часто заговаривали о религии, и с обеих сторон были очень способные люди.

Элизабет считала, что такой разговор, перемешанный с другими рассуждениями, да еще и в устах тех, кто мог сделать и то, и другое приятным, привлечет внимание дочерей, которых она стремилась обратить в католичество. И действительно, некоторые из них (милостью Божьей) приобрели таким образом большую склонность к нему, хотя и не показывали этого, и все находили в разговорах пищу для размышления, хотя тогда и не слишком придавали этому значению. Ведь они не могли не заметить, что в целом (не говоря уже о частностях) протестанты либо говорили то же самое, что и католики, принимая их сторону против своих — как тогда поступал их старший брат (он тогда был настолько католиком в своих суждениях, что утверждал: он знает только то, что ему говорит церковь; однако только делал вид, так как никогда им не был. Он говорил, что хотя ему все это кажется правильным — и он всегда выступал в защиту католических мнений — он не возьмется решить вопросы настолько глубоко, чтобы изменить свою конфессию, пока ему не исполнится сорока лет, однако он не дожил до тридцати че-

тырех⁸⁹. В течение нескольких лет он был хорошо расположен к религии, научившись этому из бесед у матери и гостей, которых встречал у нее дома, а ранее верил мало, и в таком положении он пребывал до тех пор, пока, чуть позже, он не нашел книгу Социна⁹⁰, которая открыла ему новый путь).

Свою роль сыграл и мистер Чиллингворт (он был членом совета колледжа Троицы в Оксфорде, там через чтение обратился в католичество и отправился в бенедиктинскую коллегию в Дуэ⁹¹. Не прославившись там так, как ожидал — так он встретил юных учеников, настолько способных, что он впоследствии всегда восхищался ими — он вернулся в Оксфорд протестантом — по крайней мере, не католиком. В Оксфорде он проповедовал в церкви Св. Марии и там опять стал католиком, или склонился к тому. Приезжая в Лондон, он часто посещал дом леди Фолкленд. И хотя он говорил о

89 Люсиус Кэри погиб, сражаясь за короля, в битве при Ньюбери 20 сентября 1643 г. Ему было 33 года.

90 Фауст Социн (Фаусто Пало Соццини; 1539-1604) — итальянский богослов, антитринитарий, один из основателей общин антитринитариев в Польше и Трансильвании.

91 Уильям Чиллингворт (1602-1644) родился в семье оксфордского мэра и был крестником знаменитого англиканского епископа и богослова Уильяма Лода. В 1618 г. он поступил в Оксфордский университет, в Тринити-колледж, в 1628 г. стал одним из членов его корпорации (*fellow*). В 1630 г. под влиянием иезуита Джона Перси Чиллингворт перешел в католичество и уехал в Дуэ, где опубликовал трактат о своем обращении. Уже через год, однако, Чиллингворт вернулся в Англию: он затруднялся безоговорочно принять ее основной вероучительный документ, «39 статей», но и католические взгляды разделял не полностью, что привело его к ожесточенной полемике с католическими богословами. В 1630-х гг. Чиллингворт жил в Грейт Тью, где написал свой главный труд — трактат «Религия протестантов» (издан в 1637 г.), в котором обосновывались абсолютный примат Библии в вопросах вероучения и право индивида свободно интерпретировать текст Писания. В 1638 г. Чиллингворт получил пост канцлера в Солсберийской епархии. В годы гражданской войны он присоединился к армии короля. Взятый в плен армией сторонников парламента, он умер в заключении в Чичестере в 1644 г.

протестантах «мы» и носил одежды оксфордского преподавателя, но был тайным католиком, или же ни тем, ни другим, но тем, чем он стал позднее, ибо не мог согласовать между собой сердце и язык), и некоторые другие поступали так же, ибо были католиками в своих мнениях — а те, кто были искренними убежденными протестантами, насколько ими могут быть люди, обладающими здравым смыслом (хотя им помогало желание быть таковыми), не соглашались между собой, высмеивая доводы друг друга, но всегда с шутками расходились там, где начинали всерьез. Хотя они и были настоящими протестантами и в этом качестве говорили то, что должны были сказать, но были столь рассудительными и честными, чтобы шуткой свернуть разговор, когда им нечего было сказать в свою защиту, не солгав и не сказав глупость. Там у них также был случай отметить — и об этом они стали размышлять больше, когда пришло время — что те, кого совесть наделяла желанием истины, начинали искать ее и всегда заканчивали в католической церкви, если только их не удерживали другие соображения, чему они видели много свидетельств.

То, что Элизабет претерпела, чтобы удержать дочерей рядом с собой, спасая их самих и действуя ради их блага, дает им причину считать ее матерью по вере и по природе. Хотя дочери по разным причинам, не только из-за своих обещаний или ее желания, оставались у матери, в соответствии со своими склонностями (желая все делать по собственной воле, или считая ее дом естественным местом своего пребывания, причем таким, где у них не было никаких обязательств), злоупотребляли сильным ее желанием их удержать (особенно две старших), когда она с величайшей заботой и вниманием приобретала для них все, что они желали или же, все, что, как она считала, понравится им, втайне лишая себя не-

обходимого, чтобы тут же исполнять их капризы. Если они не получали любой пустяк сразу, как только пожелали его, то не принимая во внимание все, что она сделала, но думая только о том, чего хотели и не получили, угрожали ей отъездом и гадали, что она предложит, чтобы удержать их, когда она не могла себе этого позволить. Они считали ее удивительную заботу обязанностью матери, но редко думали о том, что обязанности детей распространялись и на них. И хотя она не жалела никаких усилий, чтобы содержать их так как они этого хотели, а они хорошо знали, что им не подобает быть в любом другом месте, тем не менее, они, казалось, считали, что она обязана им за то, что они оставались. Иногда по самым незначительным поводам, когда им казалось, что она сделала что-то не так и расстроила их (иначе они не были бы столь ревностными), упрекали ее из-за ее религии, как будто бы ее вера давала ей разрешение делать все что угодно. Это ее очень задевало, поскольку она высоко ценила честь быть дочерью католической церкви и была особенно чувствительна к неблагодарности, выказываемой через непочтение к ней: оно словно отбрасывало тень на саму церковь; и, признавая, что была неправа, со слезами на глазах просила прощения за скандал, в который она их ввела.

Она терпела все это, и никто не поддерживал ее. Многие упрекали ее за то, что она обременила себя без всякой пользы, да еще и подавала дочерям мясо. Но Бог, казалось, выразил свое одобрение ее действиям, даровав ей успех, вознаградив ее веру в Него, силой которой она выносила все это с удивительным терпением и упорством на протяжении трех четвертей года без малейшего обнадеживающего знака от дочерей, но скорее, при их растущем сопротивлении, всех, кроме одной [госпожи Магдалины] (ставшей причиной обращения всех остальных). Однако в это же время, сама не

зная, как это случилось, она увидела, что дочери решились стать католичками, обращенные без ее ведома отцом Катбертом [Бретеном⁹²]. Все католики и протестанты, знавшие его и способные к суждению, почитали его остроумным, рассудительным и ученым человеком. Ее старший сын говорил об отце Катберте, что, если бы не его прекрасная память, удивительный дар, благодаря которому он мог усвоить все, что прочел, он не смог бы изучить столь многое, будучи еще молодым. Ведь когда он умер, спустя четыре или пять лет, ему было всего тридцать три года.

Он был монахом с шестнадцати или семнадцати лет, причем образцовым, а в двадцать пять он был отправлен в Англию по состоянию здоровья, и его дважды или трижды отзывали обратно (чему он был очень рад, называя себя, как Св. Ансельм, совой вне своего монастыря⁹³), но остался в Англии милостью Божественного провидения. Он вел жизнь столь похвальную, что его почитали и восхваляли даже самые ревностные протестанты. Некоторые из их друзей часто говорили, что их обманула святость его жизни (они считали его искренним), и что если бы они встретили кого-нибудь другого, то никогда не стали бы папистами, настолько они были уверены, что других таких священников не бывает. Это, несомненно, придавало веса его словам, когда им выпадал случай положиться на истину его суждений в любом деле. И в этом же была причина, по которой дочери выбирали в его собеседники (трое из них ранее не были с ним знакомы), когда им приходилось, случайно, или, скорее, благодаря особенному провидению Божьему, задумываться о религии. Его

92 См. Катберт Ферсдон, примеч. 79.

93 Св. Ансельм сравнивал себя с совой, которая счастлива лишь в собственном гнезде; когда же она вылетает оттуда днем, то на нее безжалостно нападают другие птицы.

смирение и святость успокаивали их волнение и позволили им признаться в невежестве, чего они были бы не в силах сказать другому священнику, которого они не считали святым, а он казался им не от мира сего; помимо того, его трудам помогала молитва. Однако он не делал никаких внешне заметных дел (он часто болел и старался укрепить здоровье, желая вернуться в свой монастырь; но когда лекарства, которые он искал, возымели обратный эффект, он был так же доволен, как если бы все вышло по его), но вел строгую молитвенную жизнь, а те простые вещи, которые делал, казалось, были освящены благодатью и проистекали из сверхчеловеческого источника.

Переход от святого страха к высшей любви, прогоняющей страх, произошел примерно за три года до смерти: заболев опасной болезнью, отец Катберт выказал (с отрешенностью и надеждой) чувство страха и часто подбадривал себя примером Св. Илариона⁹⁴, а также с трепетом повторял слова Св. Павла: *Nihil conscius sum, sed in hoc non justificatus sum*⁹⁵; и даже просил навещавших его, помолиться о том, чтобы он умер в благодати. Но позднее, умирая от чахотки, с самого начала оставив надежду на выздоровление и думая, что ему немного осталось, и что он уже не может служить своей общине, он желал, по крайней мере, умереть, служа Богу и пастве и для этого просил своего главу приказать ему ухаживать за больными чумой (которая тогда свирепствовала в Лондоне). Когда ему это запретили, он отказался от ученых занятий, за исключением чтения Библии, трудов Блозия и устава своего ордена (духом которого он день ото дня все

94 Св. Иларион (291-371) в юности отличался слабым здоровьем.

95 1 Кор 14:4 «Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь».

больше восхищался), и остаток жизни провел, подчинившись духовным правилам, которые всегда почитал, но ранее не мог полностью выполнять. Приблизившись к смерти, он желал умереть, искренне, но отрешенно; и если раньше он боялся внезапной смерти, теперь он хотел как можно быстрее отойти к Богу и надеялся на это с великой, но смиренной надеждой, радостно обещая свою молитву и помощь в будущем мира всем, кто его об этом просил. Постоянно проявляя любовь и смирение, благочестиво приняв все таинства он, с любовью к святой бедности, пожелал, чтобы тем немногим, чем он владел, распорядились по воле главы его ордена. Его жестокая агония длилась три часа, и он сохранял сознание и молился до конца, а затем счастливо скончался в благодати Божьей.

Элизабет возрадовалась решимости дочерей стать католичками, когда узнала об этом, а они скрывали свое желание от нее до тех пор, пока их друзья-протестанты не заподозрили их из-за отказа ходить в церковь. После того, как они практически признались друзьям, они сказали и матери. Она же либо ничего не знала, либо не смела ничего замечать, чтобы не спугнуть их [но хотя у нее могли появиться проблески надежды, она, похоже, ничего не знала, потому что не была способна к скрытности]. Лорд Ньюбург (который всегда был очень добр и внимателен к дочерям, как истинный друг, верный памяти их отца, и ревностный в таких случаях, хотя его рвение было неверно направлено) немедленно отправился к королю и получил от него приказ к секретарю Коку для Элизабет — отослать дочерей к их брату. Она сказала секретарю, что сама доставит ответ королю, сочтя наилучшим и самым безопасным средством искать милости или правосудия прямо у Его Величества. Она так и поступила, смиренно показав, каким ударом было бы отнять у нее

детей, сказав, что она хотела удержать их при себе, а они — остаться, будучи в состоянии выбирать (младшей⁹⁶ было двенадцать лет) и не совершив ничего, чтобы лишиться своей естественной свободы, что не менее жестоким было бы наложить на сына такое наказание (без его вины) — обременить его четырьмя сестрами, не дав ему ничего, на что их содержать, не спросив его согласия, и против их воли. Король позволил ей пока оставить дочерей у себя, пока он не сообщит ей свою волю. Затем король послал к ее сыну по этому делу, а тот не хотел забирать к себе сестер против их воли, ведь тогда его дом стал бы тюрьмой, а он сам — тюремщиком, и никто из них такого не желал. Так что это послужило примирению дочерей с церковью; а иначе обращение могло бы произойти гораздо позже. Теперь же, боясь, что у них не окажется возможности это сделать, и ради того, чтобы благодатью таинств, находясь в церкви, у них было больше сил сопротивляться, они быстро примирились с церковью. Однако многие католики за границей отговаривали ее и отца Катберта от быстрых действий, не без основания считая, что их друзья не успокоятся, пока не заберут у нее девочек, а затем те отпадут от церкви. Она же, имевшая столько уверенности, когда не было ни малейшего обнадеживающего знака, не отказалась от нее и тогда. А отец Катберт, знавший, как мало власти было у матери, и как мало дочери стремились ей угодить, не сомневался в том, что Господь явил свою руку в этом деле. Однако вскоре она увидела опасность потерять все, что приобрела по воле Божьей таковыми трудами.

Дом Элизабет часто посещал мистер Чиллингворт, которого она высоко ценила, и (помимо того, что он был одним

из немногих, с кем она любила беседовать) почитала его святым за то, что он так легко упрекал ее (хотя сам был очень чувствителен ко всему, что задевало его достоинство и всегда жаловался на воображаемое пренебрежение, или что его не уважают так же, как и других важных людей). Она выслушивала его с большим почтением и стремилась взрастить в дочерях такое же почтение еще до того, как они стали католичками, в надежде, что он мог помочь им на этом пути (и он уделял девушкам много времени, даже до назойливости, однако Господь распорядился иначе: Ему послужил более верный слуга, тот, что стремился только к Его славе и благу христианских душ), а после того, как они стали католичками — для их укрепления в вере. Но трудно было понять, являлся ли этот человек католиком в тот момент, так как он испытывал сомнения; позднее он католиком уж точно не был. Похвально своей христианской любовью, он, по его собственному утверждению, полгода ради них притворялся католиком (и вскоре после того, как сестры примирились с церковью, он отпал от нее открыто). С того времени Чиллингворт (а он, тот, кто не мог считать что-то сделанным хорошо, если это было сделано не им, увидел, что предложенное им, было исполнено другим — тем, кто не вмешивался, но только молился до тех пор, пока к нему не обратились⁹⁷ — без участия или ведома) стремился вернуть их, используя дружбу, тонкие уговоры и так много лжи, что казалось, ее измыслил дьявол, а детей спас Бог. Говорят, что Чиллингворт был готов на все ради для друзей-протестантов, потому что переложил на мать то, чего вроде бы желал, т.е., обращение дочерей в католичество, и возможно, именно поэтому уделил столько внимания тем, кто сами по себе были недостойными

97 Имеется в виду отец Катберт Ферсдон.

его славы. Однако он не мог делать вид, что поступал так из любви, иначе ему пришлось бы потрудиться ради собственной матери, которую он сделал католичкой (знак, что он и сам некогда был католиком), однако он совсем не хотел обращать ее в англиканство, и это, по ее словам, оставляло ей надежду, что со временем он вернется [к истинной церкви].

Она [Элизабет] воспитала в детях высокое мнение о Чиллингворте. Он часто бывал в обществе дочерей, и они внимали ему как наставнику в католической вере. Он же старался обрести знание и власть над их душами. Сначала он обронил слова, при помощи которых стремился заставить их оглянуться назад (пока лишь, что они пришли неверным путем, а не в неверное место) и предлагал себя в качестве помощника, потому что он долго сомневался, а они решились слишком быстро. После этого он пытался разузнать, каковы были мотивы обращения дочерей в католичество, и привить им его собственные мысли, чтобы они научились полагаться на них, и потом ему стало бы легче разрушить то, что сам построил. Он пытался убедить их сменить духовного отца на его собственного капеллана (который имел о нем высокое мнение). И все это для того, чтобы найти, за что ухватиться (как станет ясно из последующего), зная по опыту, что гордых легче поймать на том, что сначала пришло им самим в голову. Однако дочери скорее слушали его, нежели открывались ему (в их глазах он не умер для мира, а это могло бы укрепить их уверенность в нем), и он долгое время не находил опоры. Но в конце концов, случайно узнав, что у девушек возникло небольшое затруднение, и они не знали, что и думать, он начал с этого вопроса, притворившись, что и он вслед за ними об этом задумался, чтобы убедить их идти вместе с ним и больше верить в простоту и искренность его размышлений. Так он заставил их поверить, что они увидели

зарождение его сомнений. Но он и другим говорил, что слово, произнесенное одной из дочерей, заставило его усомниться.

Сначала он проявил лишь небольшое недовольство тем, чего, как он считал, они не спешили делать; однако очень осторожно. В то же время он (словно бы осуждая бесчувственность протестантов) начал рассказывать девушкам, какие выводы оказались бы самыми разумными, если бы им не противостоял авторитет церкви, излагая им те идеи, которых потом сам придерживался. Затем он стал говорить об этом предмете с большим раздражением (но как если бы церковь была ни при чем) и словно бы обнаружил и другие предметы, достойные порицания, но обвинял не церковь, а неправильные действия отдельных людей. И так постепенно эти вещи представились более важными и многочисленными, чем они были на самом деле. А то, чего не смел сказать сам, чтобы это не прозвучало слишком резко, он сообщал через поддельные письма, будто бы написанные его другом, который намеревался стать католиком. Последнего, казалось, отвращали от религии некоторые благочестивые практики, и тот не желал выплевывать протестантского комара ради того, чтобы потом глотать католического верблюда. Чиллингворт показал им сестрам письмо, а потом похвалялся, что подделал его. Другое письмо — от архиепископа Кентерберийского к девушкам, сочинение о мотивах обращения для размышления о религии, на которые (сказал он) не сразу можно найти ответ. Впоследствии он по ошибке показал девушкам черновую копию этого сочинения.

После того, как те вещи, против которых он говорил, стали казаться им странными, он начал говорить, что не понимает, как в этих случаях полностью извинить церковь, однако под конец своих рассуждений все еще именовал себя

католиком. А чтобы не дать им рассказать о том, что говорил с ними в такой манере, он решил возложить вину за это на ту, что стала причиной их обращения: она-де может рассказать тем, кто склонен думать о нем плохо. Девушкам самим нужно было избегать того, в чем они могли бы его обвинить (особенно в злоупотреблении доверием или подозрительности). Они же, убежденные в его искренности, боялись, что другие, если узнают, подумают о нем хуже, чем он, по их мнению, заслуживал.

Так он продвигался день за днем (незаметными для них шагами), а в конце концов объявил эти практики неблагочестивыми и был вынужден заключить, что церковь виновна, позволяя и одобряя эти практики. Однако он все еще утверждал, что учение, которое вроде бы распространяет церковь, истинное, однако при этом использует и одобряет практики, отвратительные этому истинному учению. При этом он всегда выказывал великое желание получить удовлетворительное объяснение этих вещей и надежду, когда говорит с девушками (хотя не желал, чтобы они кому-нибудь рассказывали, потому что его будут обвинять и заподозрят в столь вольных беседах с новообращенными католичками), и проявлял большую радость, получая правдоподобное объяснение, но затем возвращался с новыми возражениями относительно ненадежности такого ответа. Они же побуждали его откровенно поговорить с другими так же, как с ними, в их присутствии, чтобы они тоже услышали ответы. Чиллингворт все откладывал диспут, говоря: он не готов и, чтобы получить удовлетворительное объяснение, хочет собрать все свои возражения — причем казалось, он не сомневается в том, что его сомнения разрешатся. Однако если этого не случится, и он докажет, что все эти вещи достойны осуждения, а церковь их принимает, и потому ее авторитет подорван, а

вместе с ним разваливается и значительная часть вероучения (главным основанием которого, говорил он, является непогрешимость), то согласятся ли они уехать от матери к брату и там с помощью брата (протестанта) и его самого (католика) начать новое размышление о религии? Причем они двое будут спорить друг с другом и сообщать сестрам обо всех выводах, достигнутых в этом исследовании. Он убедил одну из них [госпожу Августину⁹⁸] дать свое согласие; она не поняла, что значит «если», и скорее согласилась с тем, что даже если он не получил бы достаточного объяснения от католиков, ему, тем не менее, следовало не сомневаться в учении или авторитете церкви, так что она была уверена: их поиск там и закончится. Однако придя к обращению поспешно, сестры хотели вернуться, чтобы посредством более тщательного исследования достичь неколебимой решимости. Он не обманул их, процитировав Св. Петра, сказав, что каждый должен обосновать свою веру, и что недостаточно верить в истину, нужно уметь обосновать ее разумность. Они же, не понимая обмана, глубины собственного незнания и неспособности найти доказательства, были вскоре введены им в заблуждение.

Однако расставшись с ним и спокойно обдумав то, что он сказал, девушки заметили многочисленные противоречия в его словах, которые были основаны на предположениях, а также увидели его неискренность. Например, он сказал одной из них [госпоже Августине], что все разумные протестанты верят в некое положение (в чем она сама была уверена), и, казалось, сам его разделял. Но на следующий день он дал другой из них два листа бумаги с цитатами из Св. Августина (как он заявил) против этого положения. И в других

98 Элизабет Кэри.

случаях они увидели, что он смошенничал и солгал им, или, по крайней мере, уклонился от ответа, чтобы они были о нем высокого мнения. Он лгал в больших вещах, чтобы резко раскритиковать мелочи, постоянно ссылаясь на слова Св. Августина — что нельзя допустить ни малейшей лжи даже ради спасения мира. Впоследствии же, когда вся его жизнь оказалась ложью, да и в других случаях, он оправдывал себя словами Св. Петра — что он был всем для всех, чтобы завоевать всех: католиком для католика, пуританином для пуританина, и т.д. Находясь вдали от него, они решили больше его не слушать, но это было не так-то просто исполнить: страх осудить или оклеветать его, а также уверенность, что человеку невозможно по собственной воле (ни по какой причине) вести себя неискренне в таком деле, лишали сестер возможности прекратить общение.

Сама Элизабет, все это время ни в чем не подозревавшая Чиллингворта, была предупреждена лордом-протестантом [лордом Крейвеном⁹⁹], что он не католик, и втайне не позволяет своему брату (которого якобы убеждал обратиться) таковым стать, но подводя его к решению стать католиком, останавливает его и увлекает обратно до тех пор, пока не разрешив предыдущее сомнение, не начинает опять подталкивать его к католичеству. Она этому не поверила (сочтя, что лорда ввели в заблуждение), но сказала об этом мистеру Чиллингворту (как и хотел лорд, тем самым отказывая тому от дома). Чиллингворт внешне принял это с большим терпением, как ложное обвинение, выдвинутое против него из-за его служения Богу. Однако она сочла обвинение более справедливым (каким оно и было), нежели она думала раньше.

99 Уильям, 1-й барон Крейвен (1608-1697).

Мистер Чиллингворт (еще до обещанных доказательств) втайне сделал так, что лорд Ньюбург опять предложил дочерям уехать от матери. Вторая из них (та, что ранее дала ему условное согласие¹⁰⁰) теперь (не подозревая, что он приложил к этому руку) оказалась вынужденной признаться лорду Ньюбургу (с которым Чиллингворт сообщался втайне, хотя и делала вид, что не знает его), что испытывает некоторый страх перед католической религией, и согласиться уехать к брату на том условии, что с ней там будет католик. Она назвала мистера Чиллингворта для этой цели, по его побуждению, однако вскоре, поняв, что зашла дальше, чем намеревалась (она в больше степени склонялась к такому решению, потому что мистер Чиллингворт старался заставить их думать: лишь стыд или трусость не давали им вернуться назад, но стоит сделать самое трудное — преодолеть страх, и станет легко выполнить решенное), она осознала, что была застигнута врасплох (потому что все страхи основывались на его недоказанных положениях), в особенности же после того, как увидела черновую копию послания архиепископа Кентерберийского (как ей было сказано), поданную им в то же время, когда обсуждался их отъезд; и эта копия была написана рукой Чиллингворт. Он сделал это по ошибке, собираясь дать ей другое сочинение, но тут стало ясно, что он приложил руку к этому делу (не доказав ничего из того, о чем говорил им), и что с его стороны точно был обман. Дочь же пришла в себя и отказалась ехать, пока ей не предоставят доказательства. С этого момента все сестры, заподозрив его, настаивали, чтобы он больше не откладывал. И хотя он искусно оправдался, вернув доброе о себе мнение, но понял, что не может откладывать дольше. Впоследствии

100 Элизабет Кэри.

он говорил, что мог бы еще продолжать притворяться католиком, если бы они своим настоянием не вывели его на чистую воду.

В поисках средства уйти, не повредив своей цели, он сделал вид, что за ним послал епископ Лондонский¹⁰¹, и изобразил, что испытывает большое волнение касательно причины, вверяя себя их молитвам и подбадривая себя, как если бы он боролся со страхом (епископ Лондонский за ним не посылал, не думал о нем, да он и не был никогда у него, что подтвердил хорошо осведомленный капеллан епископа). Вернувшись (как будто) от епископа Лондонского, Чиллингворт был грустен и задумчив, но не объяснял причины. А на следующее утро, словно решившись, казался веселее, затем признался, что епископ Лондонский, допросив его о том, что он делал в вопросах религии, и о его дальнейших намерениях, предложил ему, что если он собирается писать книгу (как он говорил), рассуждение о религии, которая стала бы путеводителем для других, то он сам должен отложить католическое причащение до ее завершения, чтобы книга стала более весомой и авторитетной, потому что ее автор — человек, не принадлежащий ни одной из сторон. С этой целью епископ предложил Чиллингворту принести клятву отказаться от причащения в обеих церквях на два года (столько потребуется, как он думал, для написания книги), а если бы он отказался, то епископ усомнился бы его искренности и поступил бы с ним так, как ему казалось подобающим. Он также сказал им, что накануне вечером, не будучи в состоянии решиться и опасаясь того, что случится при его отказе (чего он не хотел делать, потому что предложение казалось ему разумным и

101 Уильям Джаксон (1582-1663), епископ Лондонский (1633-1646), лорд-казначей (1636-1646).

выгодным для его предполагаемого сочинения), он грустил, однако теперь, решившись, в надежде на плоды, которые принесет его труд, он поклялся.

Отец Катберт и мистер Клейтон возразили, что эта клятва незаконна и, следовательно, он не связан ею, а он, чтобы возразить на их резкие нападки, заявил, что отец Леандер одобрил его шаг (а тот утром уехал из города и не мог сам ответить), но этого мало: спустя несколько дней споров он добавил к уже принесенной (как он сказал) клятве такое положение: «за исключением угрозы смерти», однако даже не спросил согласия епископа Лондонского, ни давая клятву, ни нарушая ее, когда всего через три месяца причастился в протестантской церкви. Однако в его рассказе многое не сходилось. Чтобы рассеять сомнения дочерей (по крайней мере, в отношении своих добрых намерений), он письменно подтвердил, что сделал все это только ради блага и во славу католической церкви и веры, подписав свое имя. И это он сделал всего за два дня до того, как объявил себя протестантом и за пять дней, прежде чем он записал такое неслыханное утверждение: что церковь Англии считает католиков еретиками, и Уильям Чиллингворт докажет, что они ими и являются.

Первое утверждение он сделал в ходе диспута, защищая свою клятву (что продолжалось неделю), а затем побуждал дочерей Элизабет идти дальше (они все присутствовали при том, как он написал о своих намерениях) и открыто говорил, что они обязаны поступить так же. Он сказал девушкам, что многих заставляет обратиться в католичество обнаружение недоказанности протестантской религии (это легко сделать, признавал он), а не истинность католической церкви, а люди считают само собой разумеющимся, что должны принадлежать к одной (из двух религий) и, находя протестантскую

неистинной (это случается со многими интересующимися), немедленно уверяются — другая должна быть истинной. Но если откроется третий путь, то католикам придется защищаться не меньше, чем протестантам. Этот третий путь Чиллингворт (необоснованно) хотел назвать христианским, не допуская других добавлений (хотя прочие считали: он хотел бы, чтобы со временем этому наименованию для отличия прибавили его имя), а он сам хвастался, что тридцать человек ждут его решения для выбора веры (он, конечно же, ошибался насчет их числа), и он предложил им причащаться в протестантской церкви (в то же самое время утверждая, что стремится к благу католической), потому что она, по его словам, не такая строгая.

В город вернулся отец Леандер и, отрицая, что говорил что-то похожее на слова Чиллингворта, заявил: тот спросил у него, можно ли ради высшего блага отказаться от причастия (не отлучая себя от церкви) на некоторое время, и на это легко дать ответ. А чтобы иметь случай спросить у отца Леандера, надолго ли это разрешают, и другие подробности, он незадолго до этого рассказал ему (впоследствии по серьезным причинам заподозрили, что в истории не было и слова правды) — его друг, склонявшийся к тому, чтобы стать католиком, пожелал пригласить его в свой загородный дом на месяц или три недели, чтобы помочь ему решиться, однако его нежелание отказаться от мессы и частого причащение на это (хотя и краткое) время заставило его усомниться в том, что согласие дать можно. Он целый день проговорил с отцом Леандером наедине, там были только они двое, и она [Элизабет]. Вечером же, рассказывая об этом разговоре (так, как ему хотелось), одной из ее дочерей, Чиллингворт завершил разговор осуждением католиков и их религии, будто бы основанной на лжи и подкрепляемой ею. Элизабет же была ря-

дом и услышала его. Он был захвачен врасплох, не будучи в состоянии согласовать все, что говорил ранее, а она, убедив этого любителя истины в лживости его рассказа и лукавых выводах (он все еще умудрялся выглядеть католиком в ее глазах), тут же запретила бы ему появляться в ее доме, не видя, что ее дочери с готовностью общаются с ним, выдерживала его общество на протяжении еще четырех дней, хотя и с таким трудом, что сама отказывалась выходить к столу, если он там был. Ведь совсем недавно она, считая его добрым католиком, искренним и святым человеком, сочувствовала ему, когда он оказывался в затруднении (и когда он только вернулся из Дуэ, и теперь в связи с клятвой), и хотела помочь ему. Теперь же, видя, что он обманщик и соблазнитель, была едва в состоянии выносить его присутствие.

Первые два дня прошли в сбивчивых беседах о разных вещах, с несколькими участниками, а именно, отцом Катбертом, мистером Клейтоном, еще одним джентльменом-католиком и ею самой. Все они были обеспокоены (и много говорилось об опасности, в которой находятся ее дочери), она же порой исполнена горечи, а этот джентльмен [мистер Чейперлин (ревностный католик и добрый человек, но склонный к насилию) был в ярости и едва удерживался от того, чтобы не распустить руки. Мистер Чиллингворт выслушал все сказанное ему так мирно и безмятежно, как если бы его спокойствие и терпение были бесконечными. Но чтобы не утратить поддержки, он постоянно призывал ее дочерей обратить внимание на то, с какой мягкостью он все выносит. Благодаря такому поведению через два дня их уважение к нему возросло, хотя он ничего и не доказал им, объяснив это запутанной манерой обсуждения, беспорядочным перескакиванием с одной темы на другую, а также тем, что против него одного говорили многие, и это его отвлекало.

Чтобы исправить положение, ему предоставили выбрать, с кем и как он станет дискутировать. Он не смел выступить против отца Катберта, либо потому, что его наущения были опровергнуты им (когда дочери были поставлены им в замешательство, они обратились к отцу Катберту — не сказав, однако, откуда пришли сомнения — и вернулись, удовлетворенные объяснениями), или же подозревая, что в глазах дочерей отец Катберт имел преимущество, и желая использовать любые мелочи в свою пользу, выбрал незнакомого им (но очень способного) иезуита [мистера Холланда¹⁰²]. Сестры же никогда не встречали ни его, ни кого-либо из его ордена. Сначала он заставил отца-иезуита поклясться на Библии не делать в пылу спора никаких утверждения, в истинности которых он не был бы уверен и по совести не считал бы полным и обоснованным ответом на сказанное. Хотя сам он принес такую же клятву, можно счесть, что его совесть не была (по его же словам) такой же строгой, как у других. Он запретил все термины и методы ученых как неподходящие и непонятные тем, для кого говорят, предложив, чтобы дискутанты рассуждали подробно и простыми словами, возражая и отвечая, не прерывая друг друга и не переходя от одного вопроса к другому, пока полностью его не исчерпают, с общего согласия.

Условия казались честными; однако он быстро показал, что первое из них было не для лучшего понимания слушателей (как говорил Чиллингворт), а для собственной выгоды (потому что иезуит имел бы преимущество в другом, привычном ему виде диспута), стремясь блеснуть в глазах слу-

102 Томас Холланд (1600-1642), выпускник английской школы в Сент-Омере и коллегии в Вальядолиде. Рукоположен в Льеже в 1625 г.; с 1634 г. миссионер в Англии. В 1642 г. арестован английскими властями в Лондоне и казнен (10 декабря). Канонизирован в 1929 г.

шателей своей многословностью. Но иезуит, очистив его доводы от преувеличений и восклицаний (которыми было приукрашено его рассуждение), легко и ясно ответил на них, так что самому Чиллингворту пришлось нарушить последнее из собственных правил; он первый начал менять тему и вместо того, чтобы доказать то, что собирался (чего он не смог сделать), он заставил оппонента доказывать противное (что тот и сделал), и ему пришлось перескакивать с предмета на предмет (тот вопрос, на котором он все построил с самого начала — первое затруднение дочерей — был явно опровергнут), пока в конце концов не отклонился от предмета так сильно, что, казалось, просто хотел хоть что-то доказать, хотя эта тема не имела отношения к тому, о чем они говорили, являясь не вопросом религии, но фактической неточностью.

Была ли Божья воля на то, чтобы он не смог больше поддерживать обличье фальшивого смирения, чтобы обманывать их, или же его гордость, которая в прежних событиях была удовлетворена вдвойне (беспокойство слушателей выражало их страх перед ним и осознание его опасности, и это заставляло его считать себя важным, а его самообладание взрастило уважение к нему в дочерях), теперь была уязвлена (его противник обращался с ним пренебрежительно — не грубо, но как если бы не использовал всей своей силы, споря с ребенком — и, казалось, ни во что его не ставил), но Чиллингворт утратил всю свою кажущуюся безмятежность, назвал противника дураком и негодяем, и, получив в ответ на это только улыбку, пришел в такую неудержимую ярость, что раздулся и выглядел столь ужасно, как если был одержим.

К вечеру второго дня (которые он с утра до ночи провел с этим иезуитом) он, казалось, лишился рассудка от гнева и, не имея больше ничего сказать, при всех долгих приготовлениях (свидетельницами которых стали ее дочери, притом,

что иезуита предупредили о том, что его выбрал мистер Чиллингворт, лишь вечером накануне его приезда), что вместо доказательств стал извергать угрозы, беспорядочным потоком страшных слов — ад, проклятие, черти и т.п., произнесенным так ужасно, чтобы запугать тех, кто, как он знал, был склонен к страху. Когда по всеобщему добровольному согласию ему было отказано от дома, он, видя, что утратил все свои позиции, стремился оправдать свой гнев тем, что делало его еще более странным, а именно, сказав, что, насколько он знает, иезуиту посоветовали сдержать свой гнев, и сказали ему, как сильно повлияло на дочерей сдержанное поведение его самого в прошлые дни. Но если бы это было так, и он об этом знал, то ему стоило бы продолжать в том же духе.

После этого он еще дважды приезжал в ее дом; один раз — чтобы поговорить наедине с иезуитом, отцом Фишером¹⁰³, который хотел этого в надежде переубедить его, но напрасно. А другой раз — чтобы встретиться с Франциском де Санта Клара, реколлетом¹⁰⁴, жившим при дворе, где находилась ее дочь¹⁰⁵. Они должны были дискутировать при дворе, но в письменном виде, а не устно, по новому предписанию мистера Чиллингворта. Ничего не добившись, как и в прошлый раз, он удалился в дом ее сына, куда незадолго до этого из школы приехали два ее младших сына [Патрик и Пласид¹⁰⁶].

103 Фишер — псевдоним иезуита Джона Перси (1569-1641). Выпускник коллегий в Реймсе и Риме, он был миссионером в Англии с 1596 г. и прославился многочисленными обращениями. В числе обращенных им была мать герцога Бекингэма и Уильяма Чиллингворт.

104 Реколлеты — ответвление францисканцев. Орден основан в начале XVI в. в Испании. Франциск Св. Клары — монашеское имя миссионера Кристофера Дейвенпорта (1598-1680).

105 Энн Кэри.

106 Патрик и Генри (в монашестве Пласид) Кэри.

Незадолго до этого они были в доме матери и там выказали большую склонность к католической религии (хотя и были очень молоды), и это заставило ее с того времени думать о том, как похитить их.

Мистер Чиллингворт (который теперь должен был стать их наставником) был знаком с обоими мальчиками, так как тогда присутствовал в ее доме (и если бы Господь не благословил их особо, одного этого было бы достаточно, чтобы воспрепятствовать их обращению), однако всегда высмеивал попытки говорить с детьми о религии. Но склонность к католицизму заставляла их чувствовать утрату до тех пор, пока они не пришли к церкви. Однако старший сын¹⁰⁷ показывал старшему из мальчиков¹⁰⁸ свои сочинения против католиков (он тогда много писал на эту тему, но частным образом, и всегда делал вид, что исследует, а не защищает какие-либо утверждения, и даже признавал, что есть такие очевидные истины, которые сложнее опровергнуть, нежели подтвердить, однако отрицающему истины в большей степени, нежели он сам, он вряд ли сможет их доказать — насколько он считал все необходимым доказывать — то, что сам все еще считал истинным) и обращался с братом как с имеющим способности в этом деле, несмотря на возраст. Такое поведение сильно захватило бы мальчика, если бы Бог не воспрепятствовал брату. А мистер Чиллингворт взялся за младшего¹⁰⁹, дав ему в качестве первого принципа отсутствие уверенности в делах религии¹¹⁰.

107 Люсиус Кэри.

108 Патрик Кэри.

109 Генри Кэри.

110 Чиллингворт испытал большое влияние философов-скептиков.

Элизабет же теперь была свободна от страха, и все успокоилось, однако у нее было довольно дел, чтобы содержать тех из детей, кого она старалась удержать у себя. Ведь хотя это бремя несколько уменьшилось, одна из дочерей [мать Клеменция¹¹¹] продолжала много выезжать и бывала при дворе, так что мать продолжала заботиться о том, чтобы снабжать ее всем необходимым (тем более дорогим, что девушка сняла траур), не смея лишать ее того, что той хотелось, пока Богу было так угодно. И чем дольше она их содержала, тем труднее становилось изыскивать средства, так как дом ее все время увеличивался; она всегда была к этому склонна, всегда обременяя себя теми, кто не умел собой распорядиться, даже если почти их не знала, и так заполняла дом множеством бесполезных слуг. Ибо она всегда была рада найти тех (чьа нужда была больше, чем ее собственная), кому могла помочь, а если не могла сделать почти ничего, радовалась тем, кому довольно было немногого, и в самой большой нужде не могла отказать в малом тем, для кого это было важно, говоря со Св. Паулой, что если она им откажет, то они, может быть, не найдут помощи ни у кого другого, а она уверена — если ей самой понадобится такая малость, ей обязательно кто-нибудь ее даст. Поскольку эта уверенность была отчасти человеческой (воспитанной множеством ее друзей и знакомых), Господь дозволил ей распознать обман (там, где он был) прежде, чем она умерла.

Она никогда не считала, сколько раз люди приходили к ней за помощью, если они приходили, когда у нее были средства, и делилась тем, чем могла (никогда не заботясь о будущем). Это ясно проявилось в одном случае. Когда у нее самой

111 Энн Кэри.

было немного средств, один человек [сэр Уильям Эссекс¹¹²], часто обращавшийся к ней в своей нужде (его она знала, когда у него было большое состояние, а теперь он был одинок, и для него было важно то небольшое, что она могла с легкостью ему уделить, когда у нее бывали средства) получил от нее за год тридцать фунтов, в кронах и полу-кронах, по случаю, насколько позволяли ее доходы. Признавая долг с благодарностью, он прислал ей в конце года записку, и это сподвигло ее продолжать в том же духе, так как она поняла: то, отсутствие чего она даже не заметила, имело для его в его положении большое значение. В самом деле, сколько бы денег она на имела на руках утром, к вечеру у нее не оставалось ничего, если только ей не попадалось ни одного нуждающегося или просителя. Она почти наверняка отправлялась в постель без денег, сколько бы не получила днем, словно бы ее обязали ничего не откладывать на завтра, если только друг не брал у нее денег, чтобы сохранить для нее. Однако она старалась (насколько могла) не давать часто и помногу, и только тем, кто употребил бы деньги во благо.

Так она провела два года после смерти мужа и, исчерпав все возможные средства для содержания семьи, дошла до крайности, оказавшись не в состоянии впредь заботиться о ней. Раньше ей удавалось скрывать все от дочерей, так что они узнали обо всем последними. Полностью опустошив свои покои (она продала даже кровать и спала в кресле), она держала дверь запертой, чтобы они (еще не испытавшие ни в чем утеснений) не узнали об этом. Но теперь, когда у нее было больше способов избежать этого, ей пришлось (причем горе и беспокойство повергли ее в худшую болезнь, какую она когда-либо испытывала) послать к старшему сыну, что-

112 Сэр Уильям Эссекс, баронет (1585-1645).

бы он распустил ее свиту и забрал к себе сестер, и она боялась сказать девушкам об этом. Он же, будучи более, чем просто хорошим сыном (а невестка скорее поддерживала его, нежели чинила препятствия), поспешил сделать все возможное. Пока он распорядился делами, ее и домочадцев поддерживала щедрость тех, кто знал, в каком положении она оказалась. В это время она оказалась премного обязанной своему кузену, сэру Уильяму Спенсеру¹¹³, который помог ей расплатиться с частью прежних долгов и найти средства в тогдашней нужде. За то, что он для нее сделал, да воздаст ему Господь все милостивый на том свете, когда он там окажется.

Она была охвачена печалью и тревогами, и тогда Господь научил ее больше доверять его воле через успех того, о чем она больше всего беспокоилась. Провидение Господа всемогущего позаботилось о том, чтобы отсутствие ее детей не продлилось больше, чем было необходимо для того, чтобы из него воспоследовало благо. Три дочери [мать Клеменция, госпожа Магдалена и сестра Мария¹¹⁴] тогда отправились к брату, где их вновь мучил, хотя, по милости Божьей, и не нанес ущерба мистер Чиллингворт.

Она же, увидев, что все вышло лучше, чем она боялась (а она беспокоилась о том, как дети примут перемены, особенно, каким ужасным покажется той дочери, что все еще любила двор, дом брата, который оставался единственным другом, готовым их принять, хотя они и были католичками, а также то, что она не сможет приезжать в Лондон), вскоре вернула себе здоровье и храбрость, уповая на Господню волю. Поправившись, она поспешила навестить дочерей там, где они находились, и обещала вернуть их как можно быст-

113 Уильям, 2-й барон Спенсер (1591-1636).

114 Энн, Люси и Мэри Кэри.

рее. Но то, ради чего Господь послал их туда, не было еще завершено. Ведь там, где, как все опасались, они могли потерять веру, старшей [матери Клеменции¹¹⁵] предстояло обрести монашеское призвание, а младшим братьям (после того, как их склонность к религии проявилась вновь и усилилась благодаря присутствию сестер) бежать оттуда и из рук мистера Чиллингворта. Господь повелел, чтобы через их пребывание там мистер Чиллингворт (после того, как девушки многое о нем узнали) познакомился с молодым джентльменом-католиком [мистером Гарри Слингсби¹¹⁶], которого его обман также подверг большой опасности. Однако Господь не дал ему власти заставить пасть хотя бы одного из примирившихся с католической церковью, хотя можно предположить, что он воспрепятствовал многим стать католиками.

Сын распустил свиту, и с Элизабет осталось совсем немного домочадцев. С этого времени она оставила дела, в которых запуталась и в которых всегда оказывалась в проигрыше, ясно увидев теперь, как обманывалась. Поскольку у нее теперь не было возможности выезжать, она с того времени жила более уединенно, за городом, или в Лондоне, но почти не выезжая из дома. Когда она выбиралась из дома, то (чтобы не входить в новые долги, держа или нанимая экипаж) почти всегда ходила пешком (чего не делала при жизни мужа из уважения к нему; а когда дети жили с ней, и кто-то из них выезжал в свет, она держала экипаж ради них, не желая обременять их тем, за что они не могли платить. Но по той же причине она не поступала так, пока кто-то из ее старших сыновей был в Англии, по их просьбе, ибо они не

115 Энн Кэри.

116 Генри Слингсби (1602-1658), сын сэра Генри Слингсби и Фрэнсис (урожд. Вавасур).

могли выносить этого). Чтобы ей легче было ходить пешком и лучше двигаться, она перестала надевать чопины¹¹⁷, которые раньше носила всегда, так как была низкого роста и, в течение долгого времени, очень полной. Получив эту свободу (в отношении детей), она стала соблюдать обычай носить черное, как подобает вдове, выбирая всегда самые дешевые и прочные ткани. Не желая влезать долги (чего она больше никогда не делала), она стремилась получать помощь в нужде (когда бывал случай) от любви и щедрости друзей и знакомых, а не через займы. В течение некоторого времени в ее доме почти никто не бывал, а позднее ее по большей части посещали только священники и друзья-католики. А из священников там часто бывали только те, кто заслуживал большого уважения во всех отношениях. Но даже если к ней приезжали те, чья жизнь была не столь безупречной, случайно или по необходимости, то хотя они и не получали настоятельных приглашений, она принимала их с готовностью и любезностью. Она же сама проводила свое время за чтением.

Как только она смогла свободно вздохнуть, тут же захотела вернуть себе дочерей, и одна из них [госпожа Магдалена¹¹⁸] вскоре вернулась. Ее милости госпоже герцогине Бекингэм (которая всегда была ее добрым и верным другом и которую она имела честь хорошо знать с детства¹¹⁹) было угодно обеспечить эту дочь. А когда дочери сообщили ей о том, как сильно желание ее юных сыновей стать католиками, как они хотели бы отказаться ходить в церковь, притом, что за это их выпороли бы, если бы только это не разлучило их с

117 Чопины — женская обувь на толстой подошве (платформе), распространенная в Европе в XIV–XVII вв.

118 Люси Кэри.

119 Мэри Виллиерс (см. примеч. 74).

сестрами и не лишило надежд стать католиками, а также и о том, с каким старанием и ловкостью мальчики старались соблюсти постные дни, не выдавая себя, вынося (особенно один из сыновей) муки голода, потому что им не давали простые постные блюда как неподходящие для детей, она придумывала, как увезти оттуда мальчиков (хотя едва могла содержать тот небольшой дом, что у нее был, и платила слугам еженедельно во избежание тех проблем, что у нее случались раньше). Чтобы облегчить побег, она убеждала сына отправить братьев в школу (и назвала несколько), чтобы те не оставались под влиянием мистера Чиллингворта, чего она не могла перенести. Она заверила сына, что если он не отправит их в школу, то она найдет возможность увезти мальчиков. Однако ее сын, зная о намерениях матери (мистер Чиллингворт рассказал ему все, о чем узнал раньше, а также о своих новых открытиях, потому что был ловок и любопытен, и следил за ее дочерьми и знал все, что они говорили и писали, даже по секрету) и хорошо понимая, что ей труднее будет увезти мальчиков из его дома, нежели из тех мест, что она назвала, не поддавался. Напротив (хоть он и считал маловероятным похищение из его дома), чтобы лишить ее малейшей возможности, он решился отравить мальчиков к пуританам, где бы за ними постоянно присматривали. Она постаралась воспрепятствовать сыну в этом, не оставляя надежд и планов; тем временем, будучи не только в состоянии сама прожить, она ожидала благоприятного случая вернуть себе двух других дочерей (зная, что без такого предлога сын будет беспокоиться), а дочери стремились вернуться к ней на любых условиях, думая, что ради возвращения удовлетворятся чем угодно.

Единственной причиной было свободного исповедания их веры (у дочерей не было такой возможности) и чтобы

освободиться от нестерпимой назойливости мистера Чиллингворта, которая теперь, милостью Божьей, была для них скорее обременительна, нежели опасна: они (узнав его по-лучше) слышали в его словах (а слушать его им приходилось часто) не святого, но пособника дьявола. Ведь он, пока они жили у брата, стал им хорошо известен, и если по их приезде у них еще были мысли о том, что в его словах есть правда, он вскоре разубедил их. Теперь же он открыто провозглашал свои взгляды (чего раньше не делал так откровенно, ибо хотя и открывал перед ними глубины возможного падения, излагая то, во что разумнее всего было бы поверить, если бы авторитета церкви не существовало, а затем пытаясь это разрушить. Но он никогда не признавался девушкам в своей неверии в Троицу) и настойчиво навязывал их, так сильно, как только смел. С молодой католичкой [Камиллой], которая прислуживала одной из дочерей (и примирилась с церковью вместе с ними), он заходил дальше и силой заставлял ее слушать себя, удерживая ее, когда она хотела уйти, и хватая ее за руки, когда она ими затыкала уши, в которые он вливал свои богохульства (и хотя она с тех пор пала — да будет Богу угодно поднять ее снова¹²⁰ — он к этому не имел отношения). Затем, после всего, что он им говорил, девушки стали свидетелями того, как он выдает себя за пуританина в обществе других пуритан, а их невестка и ее мать¹²¹, казалось, почитали его за какого-то святого (хотя скорее всего, они так и не думали, так как имели много причин этому не верить, но желали поддержать его репутацию в глазах католиков в надежде, что он их обратит; и по этой причине они утаили от

120 Т.е., Камилла подчинилась требованиям закона и стала ходить в приходскую (англиканскую) церковь.

121 Летиция Кэри (урожд. Моррисон), виконтесса Фолкленд, и ее мать Элизабет (урожд. Харингтон), леди Моррисон.

девушек некоторые его поступки, которые, как они рассудили, показались бы им неподобающими святому и смехотворными. Они также стремились скрыть некоторые эпизоды болезни, которая случилась с ним сразу по приезде в дом и которую они сочли своего рода помешательством, однако вели себя так лишь для вида), а уважение, какое ему выказывали девушки, заставили дам думать — его слова имеют большое влияние на них.

Но когда Чиллингворт ложно обвинял в чем-то католиков, девушки каждый раз повторяли вслух то, что он говорил им ранее. Однако ему не было нужды бояться их слов, потому что он был способен легко отказываться от собственных утверждений, и делал это в обществе протестантов, в присутствии девушек, которым ранее говорил другое, со страшными клятвами и кощунствами, услышав которые девушки трепетали от страха. Сначала сестрам это казалось странным (пока они не привыкли), и они порой готовы были усомниться в том, слышали ли они от него ранее совсем другое, или же нет, а в другой раз думали, что он забыл собственные слова. И так до того дня, когда они уличили его сразу, как только он произнес эти слова. Он тут же отказался от произнесенного, и все их сомнения в этом деле были разрешены, когда он, вернувшись к ним, повторил то, что говорил раньше, приводя уклончивые объяснения своих клятв протестантам, а когда девушки их повторили, он и от этих слов отказался с удивительным пренебрежением к реальности. А после этого он произносил новые уклончивые речи¹²², упрекая за то, что они дискредитировали его, и приводя в свое оправдание слова Св. Павла и пример Господа, кото-

122 В тексте упоминается *equivocation* — способы уклониться от правдивого ответа на вопрос, не совершив при этом смертный грех.

рый, казалось делал одно, а на самом деле имел в виду другое (сделав вид, что уходит, когда встретил двух учеников в Эммаусе¹²³).

В присутствии протестантов сестры не могли подобрать слова для расспросов, на какие он не привел бы какой-нибудь вымученной отговорки, которая, тем не менее, помогла ему выкрутиться. Хотя порой отговорки были не лучше той, что он использовал, дискутируя с отцом Данстаном, который однажды обвинил его в отрицании Троицы; тогда Чиллингворт, опасаясь утратить репутацию, заявил об обратном (дело было в присутствии протестантов, которые его не знали). Зная его обыкновение, отец Данстан спросил его точнее, верит ли он в Троицу — три личности и единого Бога. Он подтвердил, что верит. Тогда священник, зная, что он не верит (это тогда уже было всем известно), и видя, что он готов сказать что угодно, чтобы удовлетворить общество, в котором оказался, потребовал, чтобы он записал свои слова, решив, что тот не посмеет этого сделать, чтобы не опозорить себя в глазах многих, кто знал, что это неправда. Однако мистер Чиллингворт сделал это, а потом сказал тем, кто спрашивал об этом, что и в самом деле верит в единого Бога и три личности, так как личностей три, 100, 1000, 10000 (людей или ангелов), так что он имел в виду именно то, что сказал. Но он никогда не говорил, что Бог в трех личностях, или что эти три личности составляют единого Бога, или что они имеют отношение друг к другу.

Несмотря на все эти отрицания и опровержения, после того, как дочери уехали от брата, мистер Чиллингворт открыто объявил перед теми, перед кем раньше это отрицал (Бог не позволил остаться ни малейшему сомнению насчет

123 Лк 24:13-31.

того, кто говорил правду, он или девушки), убеждая протестантов (за столом, при всех) признать трансубстанциацию или отрицать Троицу, так как у него есть одинаково сильные доводы против того и другого. И не менее восхитительно было слушать тех, кто (хоть и отказывался от имени пуритан) были, по крайней мере, строгими кальвинистами и спорили с ним; никто из слышавших беседу не мог бы усомниться в том, что каждая сторона пытается обратить другую в католичество. Они возражали ему, отвергая его нестерпимую гордыню, заставлявшую его утверждать, что весь мир ошибается, и лишь он один способен понять истину, которую до него никто не сумел открыть: — разве за все время не было равного ему по способностям или дарованной Богом благодати, чтобы увидеть истину? Разве Бог настолько не заботится обо всех христианах, что позволил им так долго заблуждаться? А когда он ответил, что такие были, и многие придерживались того же мнения, но не объявляли об этом (чего он и сам не сделал бы, не считая себя обязанным это делать, если бы не чувствовал себя связанным требованиями других), они спросили: откуда он знает, что такие были, если те не объявляли об этом? Тогда он подтвердил, что в Польше и Трансильвании много его единоверцев¹²⁴, и они были там с момента разрыва с Римом. Тогда они удивились: почему же Господь так пренебрег остальными христианами и сосредоточил истину в этом отдаленном уголке земли, так что о ней ничего не слышно в других местах? Эти и прочие подобные им аргументы он обратил против Лютера и Кальвина и их последователей. В то же самое время он превозносил авторитет Римской церкви и утверждал, что каждый, кто ищет в церкви авторитет в вопросах религии, должен скло-

124 Имеются в виду антитринитари.

ниться перед ней (т.е. Римом), и что ее власть и вера в Троицу нераздельны, так что ни один разумный человек не может их разделить. И все это происходило в присутствии ее дочерей-католичек, поэтому он счел себя обязанным использовать доводы в пользу церкви, так мучая обе стороны.

Еще один человек, имевший такие же взгляды на религию [мой брат Фолкленд¹²⁵] любил говорить, что (согласно человеческому пониманию) удобно иметь непогрешимого наставника, и сила человеческого желания иметь такого наставника заставляет людей уверовать в его существование, и что если бы Бог в самом деле позаботился о человечестве, Он дал бы ему такого наставника. Но разве церковь, которая только претендует на этот авторитет, не учит тому, что настолько противно разуму (тут он главным образом имел в виду Троицу), что отталкивает от себя? Ведь вера в эти вещи больше противоречит разуму, нежели ее противоположность. Однако, если не считать истины и религии, мистер Чиллингворт был, кажется, добрым и честным человеком, добродушным, никогда не желал ближнему зла, и был готов оказать любезность, что, возможно, служило его целям.

Примерно через год после того, как дочери уехали от Элизабет, случилось так, что ее старшая дочь приехала по своим делам к Его Величеству, а невестка тогда собиралась отправиться в окрестности Лондона по своим делам, и Элизабет уговаривала невестку привезти с собой в город обеих дочерей¹²⁶ (с которыми после встречи мать уже не собиралась расставаться). Однако сын, остававшийся в поместье¹²⁷, не желал, чтобы его сестры слишком стремились уехать (по-

125 Люсиус Кэри, виконт Фолкленд.

126 Люси и Мэри Кэри.

127 Люсиус Кэри. Поместье здесь: Грейт Тью — манор, унаследованный им от сэра Лоуренса Тэнфилда в 1625 г.

лагая вероятным, что когда мать получит их, обратно они уже не вернутся) и потому стремился удержать хотя бы младшую¹²⁸ (ее поездку нельзя было объяснить необходимостью), хорошо зная, что только это может заставить другую сестру вернуться, чтобы не оставлять младшую одну среди протестантов, и потому выдумывал много препятствий. Девушки же старались преодолеть все его возражения и надеялись на победу. В это время они написали своей матери: сейчас или никогда она должна придумать, как увезти своих юных сыновей, потому что если этого не произойдет, пока сестры там — а они собирались уехать в определенный день (через несколько недель) — побег мальчиков станет невозможным. У Элизабет не было денег ни на самое скромное содержание для мальчиков, ни для того, чтобы оплатить их пребывание в Лондоне, а уж тем более их отъезд из страны (что было необходимо, ибо в противном случае их друзья ни за что не позволили бы ей оставить мальчиков у себя). Но несмотря на это, она не отчаивалась, хоть и не нашла никого, кто поддержал бы ее в таком трудном деле, как похищение сыновей из дома их брата и из рук бдительного мистера Чиллингворта, так как ее желания им были уже известны, и они старались ей помешать.

Не могла она в этом деле использовать никого, кому могла бы довериться. Однако она искала помощи, где могла и, наняв двух лошадей, послала двоих¹²⁹. Один из них был человеком бедным и зарабатывал на жизнь, отправляясь с поручениями; католиком он тогда не был. Другой (ее слуга) выдавал себя за католика, и его в лучшем случае можно было принять за простолюдина, а честности в нем, как потом вы-

128 Мэри Кэри.

129 Генри Оксли и Джордж Сперриер.

яснилось, было так же мало, как и ума. Этого последнего знал только один человек в доме ее сына, а другого знали все. Первый поэтому должен был отправиться в дом (а другой не показывался) с письмом от матери к старшей дочери, причем подписано оно было чужой рукой, словно бы дамой — подругой матери, а он выдавал себя за слугу той дамы. В этом письме она наставляла своих дочерей, как им передать братьев в руки слуг (но она смогла придумать план, который имел шанс на успех лишь в том случае, если бы в доме все находились в тех местах, какие она им расписала. То, что она придумала, было возможным, но не выглядело вероятным). Ее люди должны были отвезти мальчиков в Абингтон (в пятнадцать милях от дома ее сына и в пяти милях от Оксфорда) на тех лошадях, на которых они приехали, при этом слуги должны были идти пешком, и значит, лошади не могли бы идти быстрее человека, слишком медленно, так как десять или двенадцать миль пути пролегли по прямой дороге на Лондон, где мальчиков стали бы преследовать (как только хватились бы). В Абингтоне мальчиков в назначенный день должен был встретить служивший ей джентльмен (который был тогда очень молод) [мистер Александр] с парой весел, и оттуда мальчиков должны были доставить в Лондон по воде, что само по себе было необычно. У Элизабет было так мало денег для этих двух групп слуг, что если бы им не удалось все сделать за назначенный срок, у них не осталось бы средств, чтобы привезти мальчиков. Кроме того, нанятых лошадей нужно было вернуть в определенное время.

Слуга доставил письмо дочери, а тот из домочадцев, который его знал (и раскрыл бы обман, если бы был дома) [мой

кузен Томас Хинтон¹³⁰] был в отъезде. И во всем прочем провидение Господне так вело их, что все случайности способствовали делу: сестры обсуждали предлог, под которым младшую из них не хотели отпустить, и это давало им больше возможностей шептаться и выйти на прогулку с младшим братом туда, где мальчики должны были встретить слугу матери. Последнему они приказали не приближаться к дому, чтобы слуга брата, вернувшись (а его приезда ждали с часу на час), не увидел и не узнал бы его. Они выходили несколько раз и показали слуг мальчикам, а тех — слугам, чтобы они друг друга узнали, отвели их на место, где они должны были встретиться (во время, которое должны были назначить сами девушки), примерно в миле от дома: дети должны были идти так далеко одни и пешком. Они же (дочери) не могли (по многим причинам) исполнить свой замысел кроме как в день собственного отъезда (когда суматоха в доме помогла бы скрыть побег), и ради этого задержали слуг на два или три дня. Те же не могли задержаться ни на день больше (из-за обещания вернуть лошадей), однако джентльмен из свиты брата, присутствие которого было необходимо, вернулся в тот же вечер, а ведь только его возвращения ждала невестка, задерживая свой отъезд. А задержка в отправке денег одной из дочерей (случайно растянувшаяся на квартал), которые теперь ею были получены, тоже способствовала удаче (потому что если бы деньги пришли раньше, их бы уже потратили), и помогла во многих делах, например, предоставила средства слугам, чтобы задержаться, а также и тому, кто нанимал лодку, потому что у него из-за задержки совсем не осталось бы денег отвезти мальчи-

130 Родственник (внук?) Томаса Хинтона из Буртона (Оксфордшир), который женился на сестре сэра Лоуренса Тэнфилда.

ков в Лондон. А те, кто в другое время были бдительны, тогда словно ослепли и ничего не подозревали.

Мистер Чиллингворт (который обычно ко всему присматривался) стоял прямо за сестрой, получившей письмо, и смотрел через ее плечо, когда она его распечатывала, но не узнал почерк (т.к. почерк матери был на внутренней стороне листа), который знал хорошо и был легко узнаваем. И хотя дети держали все в тайне, однако они паковали вещи и многое раздали, и одно это могло возбудить подозрения у кого-либо, даже менее бдительного, чем мистер Чиллингворт. Ни невестка, ни кто-то другой не вспомнили о мальчиках утром, чтобы попрощаться, пока экипаж не отъехал от дома слишком далеко, и было уже поздно; тогда она, опомнившись, пожалела, что забыла о них. Дочери же ночью перед отъездом (сначала передав слугам плащи братьев и наказав им ждать мальчиков в назначенном месте в четыре или пять часов, а также устроив так, что у мальчиков назавтра был свободный день, чтобы их не сразу хватились) притворились, что у них еще много дел перед отъездом, и выразили желание, чтобы братья зашли к ним совсем рано утром. Один из братьев (по договоренности) зашел к ним в три часа, чтобы у братьев была возможность открыто сделать то, что они не смогли бы сделать скрытно, учитывая чуткость сна мистера Чиллингворта, в комнатах которого они спали.

Дети так рвались уехать, что не проспали, но, напротив, встали в три, подняв как можно больше шума, показав всем, что проснулись. Затем одна из сестер вывела их вниз и через все дворы, так что их никто не увидел. Мальчики одни пробежали милю (еще затемно), чтобы встретить людей, которые были для них чужими, причем в них самих не было ничего, особо внушающего доверия. Прежде, чем они встретились со слугами, мальчикам, путь которых пролегал через

деревню неподалеку от дома их брата, пришлось прятаться в кустах, так как лай собак разбудил людей. После того, как они встретили посланников матери, им приходилось сходить с дороги при виде любого экипажа, так как они боялись, что их нагонит экипаж невестки, или же те, кого пошлют за ними. А им нужно было следовать тем же путем, по крайней мере до Оксфорда. Когда же они добрались туда (уже при свете дня), то, зная, что за ними туда могут последовать и начать поиски, и чтобы в городе никто не видел людей, подходящих по описанию, слуги ссадили мальчиков с коней, и один из слуг прошел через город, ведя одного коня в поводу. За ним последовали мальчики (один за другим), без шляп и плащей (чтобы меньше походить на путешественников), и, последним, другой слуга верхом. После полудня они добрались до Абингдона и там нашли дворянина с парой весел и без денег, как и ожидали. Чего они не ожидали, так это того, что все лодочники будут настолько пьяными, что в тот вечер нельзя было оттуда уехать, и те, кто доставили мальчиков, задержались, чтобы не оставлять их одних. После ужина слуги, которые привезли мальчиков, и дворянин, что должен был доставить их дальше, поссорились и тем самым дали знать в доме, где остановились, что мальчики были похищены. Горожане собрались, и прислали констебля, чтобы схватить их. Этот констебль оказался старым знакомым и приятелем бедного слуги — протестанта, который успокоил его, убедив в том, что мальчики — сыновья его хозяйки и направляются к пославшей за ними матери. Но, избежав такой опасности, они не рискнули оставаться до следующего дня, на тот случай, если до города дойдут слухи о поисках (рядом жил дворянин, часто посещавший дом брата), и подозрения проявятся вновь, но оказались вынужденными отплыть в десять часов, темной ночью, а лодочник не только

не мог грести, но то и дело грозил перевернуть лодку, так как пошатывался и клевал носом.

Однако мать (сначала услышав о том, какой опасности их подвергли двое слуг) получила мальчиков целыми и невредимыми и очень обрадовалась. Она помещала их в разные дома в Лондоне и часто перевозила. А чтобы оплатить их комнаты и питание, когда ее собственная свита выросла (так как дочери тоже к ней приехали), ей и ее домашним пришлось, пока они жили в городе, соблюдать больше одной пятницы на неделе. Ее сыновей в доме брата хватились за обедом в день их побега, и после того, как, поискав повсюду, не нашли, поняли, наконец, что с ними случилось, не найдя в их комнате ни одной книги или другой их вещи. Некоторые из домочадцев утверждали, что ничего не подозревали в тот день, но мальчиков намеревались отослать до возвращения их сестер обратно, и с того дня собирались так тщательно наблюдать за ними, чтобы мальчики не могли поговорить ни с одним человеком их матери. Старший сын немедленно послал за ними вдогонку, но вскоре, рассудив, что это бессмысленно, так как слишком поздно, и мальчики уже слишком далеко, поспешил сообщить жене, так как больше надеялся на то, что она вернет мальчиков в Лондоне.

Узнав обо всем, жена тут же сообщила лорду Ньюбургу, а он — королевскому совету (членом которого был сам¹³¹). Их сиятельства немедленно призвали ее к себе в Лондон (и пока она находилась у них, они приказали обыскать ее дом, чтобы обнаружить ее сыновей) и допросили ее. Она признала, что отослала своих детей [за границу] и распорядилась ими так, как сочла правильным. И хотя ей пришлось тайком увезти их из дома брата, она тем самым не совершила ничего противо-

131 Лорд Ньюбург был членом Тайного совета с 1628 г.

законного, так как нельзя сказать, что она украла принадлежащее ей; ведь ее сын не имел права удерживать братьев против ее и их воли, поскольку они не были вверены ему ни государством, ни их отцом. Она часто предупреждала сына, что так поступит, если он не даст [добрых] наставлений ее детям, и она готова предоставить милорду [архиепископу] Кентерберийскому полный отчет в своих побуждениях, если ему будет угодно этого потребовать. Что же касается тех, кто это сделал, то это были ее слуги, по ее приказу отправившиеся за детьми, причем дети встретили их почти за милю от дома, что явно доказывает: они не были увезены силой. Когда лорды сказали ей, что отправлять детей в семинарии противозаконно¹³², она попросила их доказать, что они были отправлены в такое место (дети тогда находились в Лондоне, но она хотела, чтобы лорды сочли, что они уже за границей, с тем, чтобы им было легче уехать потом), и сказала, что отправить их на воспитание во Францию не преступление. Они сказали ей, что преступлением было отослать их из страны без разрешения, и показали ей предписания никого не выпускать без лицензии, адресованные портовым чиновникам¹³³. Она заявила, что это ее не касается, и она не обязана это знать или принимать во внимание, ведь она – не портовый чиновник, и этот приказ предписывал не ей не отправлять детей, но чиновникам не пропускать их, и если они его нарушили, пусть их сиятельства чиновников и допрашивают, если им угодно, а не ее. На это один из лордов спросил, уж не хочет ли она учить их законам? Она ответила, что желала только напомнить им то, о чем они и без нее знали; да и

132 Парламентский статут 1585 г. запретила отсылать детей в заграничные (католические) школы.

133 Королевская прокламация от 1591 г.

она сама, будучи дочерью юриста, тоже имела об этом представление. Они потребовали сообщить им имя того, кто увез ее детей за границу, она же уверила их, что сама его не знает. Они сказали ей, что она вряд ли доверила бы детей тому, с кем не знакома. Затем они отослали ее к судье Брамстону¹³⁴ со своим приказом, и если бы она не смогла дать тому удовлетворительные ответы, тем же приказом ее отправляли в Тауэр. Представ перед судьей, она была (очень вежливо) допрошена им и отпущена; однако он не оправдал ее в недвусмысленных выражениях. Тогда она пожелала узнать, как именно ее доставят в Тауэр и на каком основании ее туда поместят, в том случае, если его не устраивают ее ответы. Он признался, что не знает, о чем еще ее спросить (раз уж ее невозможно убедить привезти сыновей обратно), объявил себя удовлетворенным ее ответами и предложил ей свою карету, чтобы отвезти ее домой.

Потом он, принужденный к тому, вызвал двух ее дочерей, которые участвовали в деле, но когда они пришли, не говорил с ними. Им сказали, что он был занят в момент их приезда, а девушки не собирались ждать, так как у них самих там не было дел. Тогда один из его джентльменов пожелал, чтобы они, если им так угодно, отправлялись домой, и если его господину они понадобятся, то он пошлет за ними экипаж в другой раз. Но больше он их не тревожил. Он также вызвал и допросил двух слуг, которые забрали ее сыновей из дома брата, они же отвечали, что их госпожа послала за мальчиками и, далее, что они передали их в руки такого-то и не знают, что случилось с ними дальше. Однако выдававший себя за католика (ее собственный человек) после того, как мальчики ускользнули из его рук, всеми средствами стре-

134 Джон Брамстон (1577-1654), главный судья Суда Королевской скамьи.

мился выдать их и стал причиной ареста того, кому их передал. Последний же отвечал, как и все остальные, что он повиновался своей госпоже в том, то было совершенно законно, и что он, по ее распоряжению, оставил детей в руках такой-то дамы [миссис Малленс] и не знает, где они теперь. Затем справились об этой даме, а потому, чтобы завершить допросы, было устроено, чтобы эта дама передала мальчиков в руки человека, которого она никогда раньше не видела и чьего имени не знала. Однако этого не понадобилось. Последнего же (он раньше служил ей) допросили сначала лорд Ньюберг, потом лорд судья; в конце концов его отправили в тюрьму и продержали там два дня. Тогда она послала к лорду Ньюбергу (по чьему приказу, как она считала, это было сделано) и пригрозила обвинить его в *premunire* из-за незаконного задержания ее слуги¹³⁵. Лорд сказал, что не отдавал приказа и свалил все на лорда Судью; тот тоже отрицал, что приказал арестовать его. Тогда чиновники, испугавшись, что обвинение падет на их головы, ибо те двое отреклись [от своего приказа], поспешили избавиться от него, и прекратить поиски. В это время дома, в которые когда-либо отправлялись, она или кто-либо из ее детей, были обысканы.

Но все это время ее сыновья были в Лондоне (около трех недель), так как у матери не было денег отправить их за море, и она не могла найти никого, кто отвез бы их, хотя она согласилась бы на любого (даже такого, кто внушал немного доверия), но никто не рисковал браться за дело. Наконец (когда других возможностей не оказалось), за дело взялся и исполнил его по великой милости отец ордена Св. Бенедикта

135 Зд. — фелония, тяжкое уголовное преступление.

[отец Фрэнсис Трешэм¹³⁶, да вознаградит его Господь] (которому она была обязана за многие благодеяния), а деньги неожиданно принес тот самый отец-иезуит, который дискутировал с мистером Чиллингвортом [Холланд]; он хотел, чтобы эти деньги передали тому, кто отвезет их за море, для этой цели. Это было сделано согласно его желанию. И за эту его щедрость да будет угодно Господу быть и награждающим его, и наградой.

Господь всемогущий выказал им Свое провидение во время путешествия в Париж. По дороге в Руан путешественники прибыли на плохенький почтовый двор, о существовании которого рассказал отцу-бенедиктинцу (по дороге, когда уже поздно было искать другой) купец, который, казалось, опасался, что мальчики не доберутся до своей цели, будучи в таких руках. Содержатель почтового двора (который предоставил им лошадей, как и предполагали его обязанности, выделив старшему брату и себе самому очень хороших коней, а бенедиктинцу плохую) убедил старшего поехать с ним и обогнать монаха и своего брата, а затем уговорил спешиться у придорожного дома до того, как прискакали остальные. Когда мальчик был уже в доме, почтмейстер легко уговорил, а скорее вынудил монаха тоже спешиться, хотя и против его воли, причем монах не знал, как убедить мальчика вновь сесть на коня, а тот хотел остановиться там и поесть. Они только прибыли в тот дом, и тут вошли два солдата, похоже, знакомые почтмейстера; тот шептался с ними, медлил и не давал монаху и братьям сесть на коней, а потом просто оказался выходить из дома (чтобы отвезти их в Руан тем вечером), все больше подтверждая подозрения монаха. В это

136 Фрэнсис Трешэм (1592-1659), английский бенедиктинец, выпускник коллегии Дуэ. Рукоположен до 1649 г., когда он покинул орден, стал францисканцем и отправился в Англию как миссионер.

время божественным провидением в тот же дом прибыл путешественник, дворянин с двумя слугами, у каждого из которых была пара пистолетов; дворянин тем вечером тоже направлялся в Руан. С его помощью монах заставил, наконец почтмейстера отпустить их, и даже, хотя ранее удерживал их, теперь хотел, чтобы они поскорее уехали, и сам (казалось, что без них в доме ему нечего делать) тоже поехал с ними (солдаты уехали раньше, как только поняли, к чему идет дело, изобразив, что тоже направляются в Руан).

Когда они доехали до большого леса неподалеку от Руана, и уже почти наступила ночь, почтмейстер опять пытался убедить их расстаться с дворянином и поехать с ним самим по тропинке через лес (дворянин не хотел там ехать, так как это было опасно), но никакими средствами этого не добился и уехал этим путем один. Проехав лес, там, где пути опять соединялись, они увидели тех самых солдат, которые отвернулись с растерянным видом, как только увидели, что путники приехали безопасным путем; уже наступила ночь, и Руан был совсем близко, так что присутствие солдат показало — им нужен был не сам город, а дорога туда.

Сыновей Элизабет поместили в конвент отцов-бенедиктинцев в Париже, и там они встретили такую доброту и заботу о них со стороны досточтимого отца Гейбриэла [Бретта¹³⁷], тогдашнего приора, что и мать, и они сами были очень ему за это обязаны. Младший брат потом стал монахом этого конвента и имел много причин благодарить отцовскую привязанность к нему нынешнего отца приора. Старший потом отправился в Рим и, будучи молодым ино-

137 Роберт (в монашестве Гейбриэл) Бретт (1599-1665), английский бенедиктинец, приор английской конгрегации в Париже.

странцем, нашел в отце Уилфриде¹³⁸ (которому вверили опеку над ним) такого доброго друга во всем, что это возложило на него самого и его друзей вечное обязательство. Для содержания сыновей там, где они находились, мать выделила сумму, которую получила от щедрот Ее королевского Величества, которой угодно было выплачивать эти деньги и после смерти Элизабет до смуты нынешнего времени¹³⁹. И за это мать была в значительной степени обязана достопочтенному отцу Филипсу, а также, как и во многих других делах, достопочтенному отцу Виату (или Уоту).

С Божьей помощью распорядившись сыновьями (еще до того, как они покинули Лондон, так как она оставила их на попечение друзей, когда сама уехала из города) она, понуждаемая начавшейся чумой, должна была быстро придумать, как вместе с домочадцами отправиться за город, не имея при этом ни денег на отъезд, ни места для жизни. Первое ей неожиданно одолжил молодой дворянин-католик [мистер Гарри Слингсби], а в отношении второго ей пришлось удовлетвориться тем, что она смогла найти и поселиться в небольшой деревне близ Лондона. Там она быстро разместила домочадцев в двух бедных домах и оставалась там около полугода. Затем ее сын, незадолго до того выкупивший ту часть наследства отца, которое предназначалось ей во вдовью долю, использовав при этом право преимущественного приобретения, за сумму, превышавшую стоимость поместья (помимо обременявших его небольших долгов) пожелал (чтобы ничего не наследовать от отца, с которым поссорился из-за своего брака) выделить половину дохода матери, в ка-

138 Джон (в монашестве Уилфрид) Селби, прокуратор английских бенедиктинцев в Риме, в 1645-1649 гг. глава английской бенедиктинской конгрегации.

139 Пенсия выплачивалась до начала Гражданской войны в Англии (1642).

честве частичной компенсации ее вдовьей доли, а вторую половину — той из дочерей, которая будет больше в этом нуждаться, по согласию между ним и матерью. Для заключения соглашения сыну и матери нужно было встретиться. Она поэтому отправилась в его дом без всяких церемоний, просто послав к нему за его каретой (хотя они все еще был в ссоре из-за похищения юных братьев, усугубившейся после того, как они обменялись письмами). Сын же так хорошо это принял, что вскоре по приезде матери они помирились, и он отвез ее обратно и поселил в более удобном доме.

В это время она закончила перевод остальных работ кардинала Перрона, но оставила их неизданными. С этого момента и до периода за два года до своей смерти (то есть, примерно в течение года) она занимала мысли и время, устраивая бедняков работать с пряжей и шерстью. Когда она вернулась в Лондон, кашель, который почти не переставая мучил ее почти двадцать два года (потому что она не заботилась о себе и постоянно простужалась) превратился в чахотку. С этого времени она только читала и писала; вернулась к занятиям древнееврейским и улучшила свою латынь, переводя труды Блозия — задание, которое ей дал отец Фрэнсис. Вскоре после этого ее, наконец, стали покидать дочери: они уехали за море или собрались туда.

Она (став более свободной) чаще и больше просила помощи у других. Постепенно, привыкнув, она стало легче относиться к этому, тем более что теперь знала по опыту, как унижают долги. Мало кто из самых великих никогда не оказывался в положении, когда необходима была помощь других, и нужно было просить о любезности и быть обязанными, иногда в гораздо большей степени, нежели они хотели бы прослыть. И все, имеющие устремления в мире испытали такие унижения, но предпочитали не освободиться от них,

но скрыть их. Однако опыт, как она видела у других (и у самой себя, знавшей превратности судьбы), смягчал гордость, чувравшуюся низости таких действий. Однако, нет сомнений в том, что она никогда не стала бы этого делать, если бы не делала этого ради Бога, так как в милостыне больше спокойствия и справедливости, нежели в долгах (когда нет уверенности в возможности их вернуть), если вверить себя Его воле. Она всегда могла (когда, сочтя дело подобающим, предавалась ему) делать это легко, и редко поступала по принуждению, но когда решала, что нечто должно быть сделано (каким бы противным ее натуре оно ни было), то поступала так добровольно. Ее собственный опыт мучений и рабства долгов вынудили ее бояться их, и она не желала, чтобы ее сын влезал в долги, так как видела, что его поместья не выдержат большего бремени, нежели то, каким они уже отягощены. И хотя такие просьбы, когда вежливость почти не оставляет свободы отказать, могут быть видом грабежа, она не беспокоилась об этом, считая, что все другие похожи на нее по расположению духа; а она сама искренне радовалась (как уже сказано), понимая, что то, чем она в настоящий момент может поделиться, поможет другим (всегда считая одной самых больших радостей в мире возможность быть полезной другим). В течение некоторого времени она не слишком обманывалась в своих ожиданиях, но вскоре заметила, что готовность помочь ей и количество даруемых средств уменьшились, и хотя одни, у кого она сначала просила, в силу новизны и непривычности были принуждены выказывать радостную готовность, другие потом (прослышав о том, что она делала) уже не считали ее просьбы новыми и странными и откликались с меньшей радостью, так что вскоре ее просьбы встречали лишь презрение (как и говорили ей ее ближайшие друзья, старавшиеся отвратить ее от этого занятия),

которое она принимала как должное, хотя и без радости. За полгода до смерти (когда ее чахотка уже далеко зашла) ею настолько пренебрегали, что никто из тех, на кого она бы могла рассчитывать по родству, не заботился о ней и не оказывал никакой помощи. Однако Господь распорядился, что она не нуждалась, получая постоянную помощь во всем до последнего дня от близких друзей-католиков. Незадолго до ее смерти старший сын — которому тогда сообщили, в каком она положении (она не говорила ему, в какой нужде находилась, из страха обременить его, и своими поступками — которые вряд ли понравились бы ему, если бы он мог оказать на нее влияние — казалось, снимала себя с его иждивения) — приехал в столицу (с женой), чтобы исправить это положение. И поначалу казалось, что он это сделал. Однако она (чувствуя, что его состояние уменьшилось и обременено долгами) не сообщила ему, что еще ей нужно, так что он оставил ее примерно в том же состоянии, что и нашел до тех пор, пока другие не сказали ему правды. Тогда он договорился со своей тещей, попросив ее обеспечить мать всем, что необходимо, и она сделала это, позаботившись об Элизабет.

Она при жизни увидела, как шестеро из ее детей (по великой милости Божьей) стали католиками¹⁴⁰ и избавились от опасности, которой могла бы их подвергнуть жизнь среди друзей-протестантов, уехав из Англии. Четверо из них приняли облачение Св. Бенедикта¹⁴¹ (она радовалась, причислив их к дочерям такого отца), пятый же пожелал себе того же счастья среди бенедиктинцев в Париже¹⁴². Его она вверила заботе друзей-бенедиктинцев, в особенности нынешнего от-

140 Энн, Элизабет, Люси, Мэри, Патрик и Генри Кэри.

141 Четыре дочери — Энн, Элизабет, Люси и Мэри.

142 Генри Кэри был пострижен в монахи с именем Пласида в 1650 г.

ца-приора Дуэ [Джона Ментисса¹⁴³] (он часто посещал ее в последней болезни, и она знала, каким большим другом его сына он был. Его заботу и щедрость ее сын испытал в высшей степени в эти времена нужды, а ее душа — не меньшее попечение после смерти от его молитв и месс, которые он добровольно и щедро служил по ней: в целом больше сотни месс). И через этого самого отца приора она смиренно рекомендовала своего сына¹⁴⁴ отцу Клименту [Рейнеру¹⁴⁵], который тогда был президентом бенедиктинцев и который много заботился о нем (когда отец Климент был в должности, сын уже принес обеты¹⁴⁶), а также выказывал благоволение старшему брату в Риме. Его же она послала туда с рекомендацией к кардиналу Барберини¹⁴⁷ от Ее Величества королевы. Его преосвященство, побужденный такой рекомендацией и собственной щедростью, выказал ему большую благосклонность. В этом случае мать было очень обязана мистеру Монтегю¹⁴⁸ как за то, что он убедил ее отправить туда сына (или, по крайней мере, поощрял ее в этом), так и за его добровольное предложение и готовность сделать рекомендации от имени королевы, и за то, что полученные рекомендации

143 Отец Джон Нортхолл (или Мейтисс; ум. 1666).

144 Речь идет не о Генри, а Патрике Кэри, который в 1640-х гг. также собирался стать бенедиктинцем, но впоследствии отказался от монашеской жизни и вернулся в Англию.

145 Отец Климент Рейнер (1589-1651), английский бенедиктинец, глава английской конгрегации бенедиктинцев в 1655-1657 гг.

146 Монашеский обет принял Генри Кэри (см. примеч. 142).

147 Кардинал Антонио Барберини (1607-1671), камергеру папского казначейства.

148 Уолтер Монтегю (1602-1677), сын Генри Монтегю, 1-го графа Манчестера и Кэтрин (урожд. Спенсер), придворный, дипломат и полемист. В 1635 г. обратился в католичество. С началом Гражданской войны Монтегю эмигрировал во Францию, где стал главой Аббатства Сен-Мартен близ Понтуаза.

были действенными и выгодными. Ее Величеству было угодно (после смерти матери) еще несколько раз рекомендовать его.

Она умерла в самом начале нынешних бедствий Англии, которые (если бы она прожила дольше) принесли бы ей невыносимое горе — смерть двух сыновей (погибших на войне), без всякой надежды¹⁴⁹, иначе она сочла бы, что они не могли бы отдать свои жизни ради более высокой цели, нежели ради дела Его Величества, за исключением служения Богу.

Она очень много читала; поэзию разных видов, древнюю и современную, на разных языках, все, что могла найти; была начитана в истории — прочла всех древних греческих и римских историков, всех хронистов своей собственной страны и почти все французские истории: многое, хотя и не все, из историй других стран, и очень много из церковной истории, особенно сочинения о главных пастырях. Из книг, посвященных моральной добродетели и мудрости [например, труды Сенеки, Моралии Плутарха, естественные истории, в частности, Плиния, а из недавних авторов — Монтеня из французов и Бэкона из англичан], она в молодости прочла очень многие, не без выгоды для себя. Она читала много Отцов церкви, в особенности труды Св. Юстина Мученика, Св. Иеронима, очень много — Св. Августина и Св. Григория, и некоторые труды многих других, по большей части в испанских, итальянских и французских переводах, и так в течение многих лет. Что же до полемических сочинений, то она прочла почти все, что было написано: до того, как стала католичкой, она читала сочинения разных авторов-протестантов — многие труды Лютера и Кальвина, и уж конечно всех из-

149 Оба старших сына Элизабет, Люсиус и Лоуренс Кэри, погибли в сражениях, и оба умерли протестантами (т.е., не оставили надежды на их обращение в католичество).

вестных английских писателей прошлого, Лэтимера, Джуэлла¹⁵⁰ и прочих, а также все, что выходило из-под пера известных новых богословов, и французские сочинения подобного рода. Став католичкой, она читала католические труды (уже будучи начитанной в трудах сэра Томаса Мора) и продолжала, с разрешения, читать протестантских полемистов. Она читала и многое другое, но им уделяла больше внимания.

Помимо того, что было упомянуто (и бесчисленного множество стихов) она написала только одно полемическое сочинение. Мистер Монтегю защищал пером веру, за которую теперь имел честь пострадать (а также и за службу их Величествам, второе славное дело), в письме своему отцу (в ответ на письмо отца ему самому), которое много восхваляли¹⁵¹. Сын Элизабет писал против этого письма, а она — ответ на его ответ¹⁵², отметив в начале своего сочинения исполнение пророчества того, кто сказал: «не мир, но меч» (Мф.10): сын выступает против отца, а мать против сына, если затронута вера. Это сочинение считали лучшим из всех, что она написала, и даже тот, против кого оно было направлено, признавал: оно было достаточно обоснованным отве-

150 Хью Лэтимер (1487-1555) — английский протестант, богослов и епископ Вустерский (1536-1539), сожжен на костре за ересь 16 октября 1555г. в Оксфорде; Джон Джуэл (1522-1571) — английский протестант и полемист, эмигрировавший из Англии в 1554-1559 гг., позднее — епископ Солсберийский (1559-1571).

151 После своего обращения в католичество (имевшее место в Париже в 1635 г.) Уолтер Монтегю опубликовал апологию своих действий, представленную в форме письма, адресованного отцу, графу Манчестеру (A Letter sent from France by the Hon. Walter Montague to his father, the Earl of Manchester, containing the motives of his conversion, dated Paris, 21 Nov. 1635). Этот памфлет был ответом на письмо отца, оставшееся неопубликованным (но известным придворной публике — одна из копий письма хранится, например, в Британской библиотеке — Harleian MS 1506).

152 Оба эти полемические сочинения остались неопубликованными.

том, хотя и не удовлетворительным для него, и этого сочинения достаточно, чтобы опровергнуть протестанта, а ответить на него значило бы пойти дальше и отвергнуть большее, чем он сделал в своем письме.

Она обратила многих, включая очень способных людей разных сословий и положений, а беседы с друзьями были величайшей радостью ее жизни, однако она сильно не страдала от смерти или отсутствия друзей. Из бесед и чтения она приобрела некоторые привычки. Впрочем, она была забывчивой и невнимательной в обычных повседневных вещах, не связанных друг с другом, и странно воспринимала время, особенно недавно прошедшее (если ее внезапно спросить): то, что имело для нее значение, она помнила лучше, чем незначительные события, случившееся с ней гораздо позже. И она хорошо помнила то, что прочла.

Она говорила много и с большим воодушевлением, была открытой и простодушной, и близким к ней людям нетрудно было приобрести над нею власть. Ее манеры были неловкими. Из-за забывчивости она пренебрегала обычной любезностью, и это было так заметно, что превратилось в причуду. Но хотя ее небрежность в таких делах была такой, что иногда она, придя с визитом к тем, кого больше всего уважала, и находясь в одной комнате с ними, полностью забывала их и то, зачем пришла, не замечала их и уходила, даже не поговорив с ними. Она редко запоминала тех, с кем встречалась и мало кого узнавала (только тех, с кем регулярно общалась), если встречалась с ними не в том месте, где привыкла их видеть. Даже краткое отсутствие заставляло ее забывать лица тех, кого она знала особенно хорошо (но не их самих). И хотя казалось, что помочь этому не в ее власти, однако обязанности по отношению к королю имели такую власть над ее умом, что все отмечали — она никогда не забывала его при-

сутствие, хотя были случаи, когда она могла бы ошибиться или забыться, созданные (и Ее Величеством), чтобы испытать ее. Она была известна многим, а те, кто знали ее, знали хорошо. Возможно, ее ошибки бросались в глаза и казались значительнее знакомым, а не тем, кто был близок к ней, однако она всегда стремилась послужить Богу и была искренней, настоящей католичкой, желавшей обращения других, ради этого готовой на любые страдания.

С самого обращения она радостно исповедовала свою веру и в смерти старалась избежать обратного. Ведь тогда ее часто посещала теща сына, леди Моррисон (ревностная протестантка), а она порой лежала в постели, в забытьи, сама не своя, и боялась, что однажды скажет или сделает что-то, что покажется не вполне католическим, если леди Моррисон станет побуждать ее, а она сама не будет знать, что делает. И поэтому очень хотела, чтобы ее подруга-католичка, миссис Плат (которая старательно и усердно ухаживала за ней до смерти, осталась верна ей до конца и даже после смерти, так что ее старший сын имел много причин благодарить ее за заботу о матери, а ее дочь-протестантка¹⁵³ также признавала себя и всех других детей своей матери обязанными той женщине за ее услуги) не оставляла ее наедине с леди Моррисон по этой причине. Она почитала все учения, установления и даже церемонии католической церкви. Она уделяла большое внимание и часто предавалась тем молитвам, которые церковь особенно ценила, ввела их в свое молитвенное правило, и, произнося его, надеялась быть услышанной как дитя церкви, хотя, как она сама признавала, несовершенно. Она всегда стремилась выказывать уважение священникам,

153 Виктория Кэри (1614-1694) осталась протестанткой. Уже после смерти матери, в 1640 г. она вышла замуж за казначея личных покоев короля Карла I, сэра Уильяма Ювдейла (1581-1652).

и так ценила их благословения, что (как обычно, забывая о светских обычаях и церемониях) никогда не забывала просить о благословении, но часто не помнила, где в это время находилась, иногда обращаясь за благословением на улицах, в публичных местах (в Англии), прежде чем ей удавалось опомниться.

Она глубоко уважала все ордена церкви господней, и их членов радушно принимали в ее доме, однако чаще всего там бывали отцы-бенедиктинцы. Этот орден она особенно чтит, так как была ему больше всего обязана. Ибо помимо тех, что она разделяла со всей страной (нацией, которая получила христианское учение из рук апостолов-бенедиктинцев), у нее были и личные причины, так как она получила разъяснения в религии и примирилась с церковью при помощи бенедиктинца. Этому же ордену она была обязана (после Бога) обращением своих детей, а все ее духовники, от первого до последнего, были из этого ордена. Она сама, примерно за год до смерти, была принята в конфраaternию св. Бенедикта при посредстве отца-приора Дуэ, получив из его рук малый скапулярий¹⁵⁴.

И хотя она не принимала на себя обязательств предназначить детей к монашеству (зная, что они принадлежат только Богу; и она не была такой матерью, которая хочет избавиться от детей, как бы дорого ей ни обходилось их содержание), и не стремилась предопределить их выбор ордена, однако с готовностью дала свое согласие, так что нельзя от-

154 Малый или вотивный скапулярий (в отличие от большого, который является частью монашеского облачения) католики носят по обету. Он два прямоугольных куска материи, на которые нанесены религиозные изображения или тексты, скрепленные между собой шнурами. Носят малый скапулярий на теле под одеждой, так что один образ находится на спине, а другой на груди.

рицать: она была счастлива отдать их ордену Св. Бенедикта и радовалась, что они нашли такое призвание. Но она верила, что монашеское призвание есть дело Бога, и потому никогда не пыталась связать ту дочь, которую посвятила Деве Марии¹⁵⁵, обещанием стать монахиней, считая, что выполнение обещания — в том, чтобы она исполнила свою роль (помимо того, чтобы постараться сделать ее католичкой, что и случилось), которая, по ее мнению, состояла в том, чтобы предоставить дочери средства и убрать препятствия с ее пути в том случае, если Господь призвал бы ее к монашеству, а это уже — Его дело, а не ее. Но как бы там ни было, Дева Мария приняла ее обет и, вероятно, даровала дочери благодать призвания к монашеству, так что обет, несомненно, много сделал для того, чтобы склонить ее к тому, к чему иначе ее трудно было бы подвигнуть. Ведь она была младшей из дочерей, пожелавших стать монахинями, и мать, не видя в ней такого намерения, решила поместить ее туда, где ей было бы лучше всего (а это, по мнению матери, было не в ее доме, особенно после отъезда сестер¹⁵⁶), и где она могла бы свободнее всего исповедовать свою веру, под величайшей и могущественнейшей защитой в королевстве. И поскольку ее труднее было отговорить от дела, на какое она решилась, почти невозможно (хотя в этом случае это было не так), чем заставить ее расстаться с чем-нибудь, что она имела в тот момент. Так что мать уже посоветовалась со всеми, кто мог помочь в этом деле (дочь только тогда собралась сообщить матери о своих намерениях, о которых она размышляла в течение некоторого времени), поэтому казалось, что ее трудно будет уговорить дать свое согласие. Однако дочери

155 Мэри Кэри.

156 Сестры уехали в Камбре в 1638 г., и приняли там постриг в 1640 г.

знали, что когда мать видела, что все решено и исправить ничего нельзя, то, хотя бы это и было противно ее желанию, она так быстро соглашалась с этим, как если бы сама это придумала. Но едва те, кто должен был сказать матери о ее выборе, вошли в комнату с этой целью (не зная, как лучше ей сказать и беспокоясь о том, как она это примет), когда она (раньше не имея тому случая) рассказала о своем обете и посвящении Деве Марии, завершив рассказ тем, что у нее нет сил воспрепятствовать намерению дочери, если бы у той было желание стать монахиней, не подозревая, что дочь думала об этом. Когда они воспользовались случаем и рассказали, зачем пришли, она, захваченная врасплох в тот момент, когда свежи были воспоминания о принесенном обете, согласилась без возражений, хотя и не без признаков борьбы. Позднее она признавалась, что если бы ее не застали за произнесением этих слов, она нашла бы много доводов против, и ее трудно было бы отвлечь от ее любимых планов (которые уже далеко зашли) к тому, что им полностью противоречило, что было лишь искушением (она не знала, насколько внезапным было это решение, и не изменится ли оно, когда его начнут воплощать), и на что совсем негде было взять средств, ведь она вряд ли могла бы попросить протестантов снабдить дочь (необходимым) для монастыря.

Однако согласившись и решившись (хотя и зная, что подумала бы в другом случае), не возражая (но напротив, стыдясь сомнений, которые проявила в тот первый момент, когда услышала об этом, и неблагодарности за такое благо, из-за которой она сопротивлялась (хоть и несильно) милости Божьей относительно ее обета и воплощения его превыше всех ее надежд), она в своей обычной манере, с решимостью и осмотрительностью взялась за воплощение этого решения. Неожиданно ее сын (сначала удостоверившийся, что его

сестра вне всяких сомнений хочет этого) выказал готовность сделать все, о чем попросила мать, быстро и решительно. Королеве же было угодно оказать ему честь, а его сестре — милость отдать ему приказ в этом деле. Ее Величество с таким рвением говорила с королем о другой из сестер, что смогла добиться для нее желанного, когда уплата долга была не менее (если не более) выгоднее, нежели подарок в былые времена.

Господь в милосердии своем даровал ей время, возможность и средство хорошо подготовиться к смерти, чем она и занималась в последние полгода своей жизни. Господь освободил ее от заботы о детях (все они Его провидением были уже устроены вне Англии и вдали от угрозы ереси), она лучше позаботилась о еще неуплаченных долгах, чем можно было ожидать, и приготовилась к смерти, выказав раскаяние, смирение и уверенность, которые проявляла открыто, с надеждой и признанием великой милости Господа к ней во всем, а в особенности в последней болезни, когда она была спокойной, податливой и легко управляемой, что для нее было не совсем естественно. И хотя на протяжении всей жизни она очень боялась смерти, но теперь на смертном одре, отвечая на вопросы отца-приора Дуэ [Джона Ментисса] о расположении духа и о том, смирилась ли она, сказала, что желает смерти. Когда он сказал, что ей следует смиренно соглашаться оставаться в этом положении столько, сколько на то будет Господня воля, вверив себя Ему с полным равнодушием, она ответила, что если это к лучшему и если есть на то Господня воля, то она пребудет как есть и полностью смирилась с этим, и что ей все равно — жить или умереть согласно Его воле. В приготовлении к смерти ей очень помогло знакомство с трудами Блозия, которые, как можно поверить, Господь своим особым провидением дал ей в руки для этой

цели [несомненно, в этом был замысел отца-приора, который посадил ее за этот перевод; приор выказал себя истинным другом ей и ее детям, стремившимся к их благу во всем].

Она получила все таинства церкви из рук своего духовника, отца Пласида [Гаскойна¹⁵⁷], и, обретя помощь через молитвы и посещения ее друзей — католиков и бенедиктинцев, умерла без агонии, тихо, как ребенок, совсем источенная болезнью, в ___ день октября 1639 года нашего Господа, пятидесяти трех или четырех лет отроду. С позволения Ее Величества ее похоронили в ее капелле¹⁵⁸, где погребальную мессу отслужили отцы-капуцины (они при жизни готовы были оказать ей любезность, а она была особенно обязана отцу Жан-Мари и отцу Анжелю за услуги, которые они, с большими трудами, оказали ей), и хотя никто из ее детей-католиков не мог пожертвовать деньги на молитвы о ней, нашлись те, кто по своей воле помнили о ней. Кроме того, то, что ее друзья-монахи делали частным образом, конвенты в Дуэ и Камбрэ из милости отслужили по ней торжественные мессы. И если ей еще предстоит пребывать в чистилище, то да будет угодно Богу вдохновить своих слуг помочь ей молитвами и пожертвованиями, и да упокоит в Своей милости ее душу.

157 Джон (в монашестве Пласид) Гаскойн (1599-1681), английский бенедиктинец.

158 Согласно брачному договору, королеве Генриетте Марии дозволялось иметь свою капеллу в Сент-Джеймском дворце — единственное место в Англии (не считая территории посольств католических стран), где можно было служить мессе. Капелла была построена в 1625 г. Именно там и была похоронена виконтесса Фолкленд в 1639 г. Вскоре, в годы Гражданской войны, капеллу осквернили, превратив в конюшни. После Реставрации капелла вновь стала местом католического богослужения (до Славной Революции, изгнавшей из Англии ее последнюю католическую королеву).